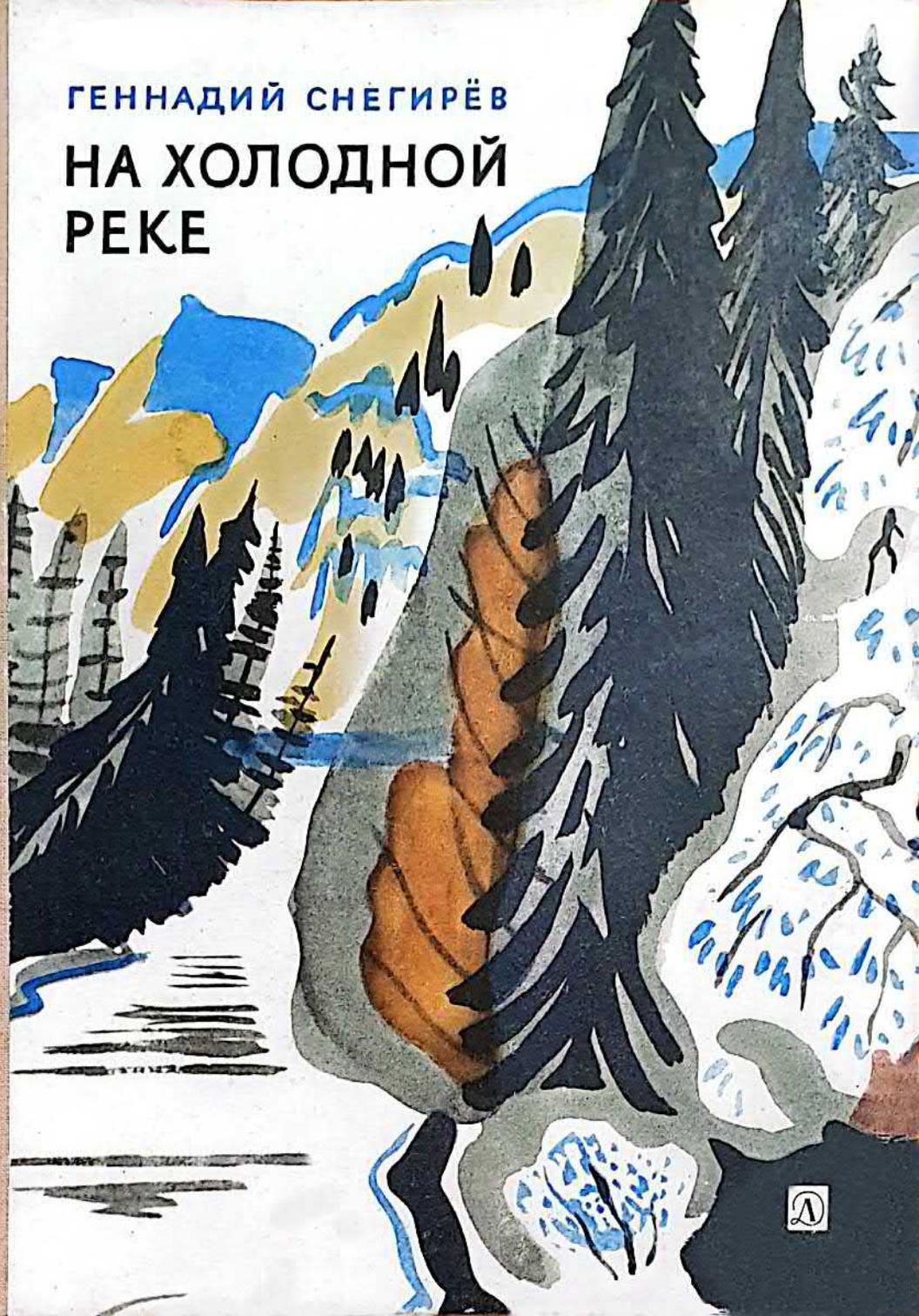
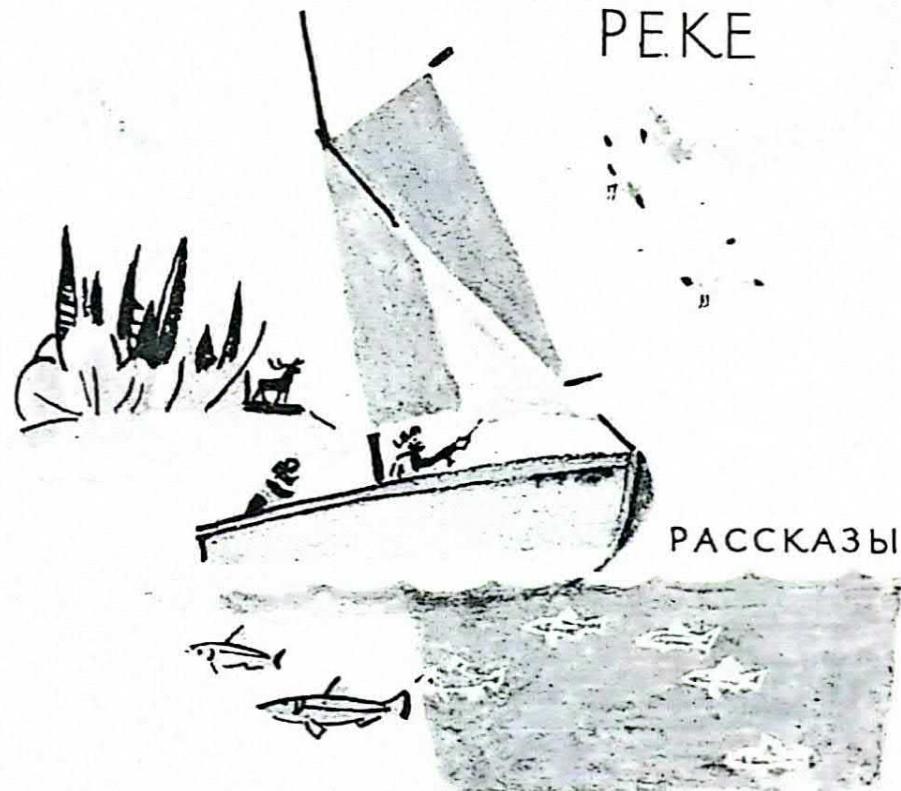

ГЕННАДИЙ СНЕГИРЁВ
НА ХОЛОДНОЙ
РЕКЕ

ГЕННАДИЙ СНЕГИРЁВ

НА ХОЛОДНОЙ
РЕКЕ

РАССКАЗЫ

Издательство „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ Москва 1968

ГОЛУБАЯ ТУВА

Сибирский охотник никогда не скажет: я много ходил по тайге. Охотник скажет: я много ходил по тайгам. Потому что тайга, как моря, вся разная. И реки не похожи, и деревья другие, и даже зверей одних больше, а других меньше или совсем нет.

Якутская тайга совсем не похожа на Тувинскую. И в Якутской и в Тувинской тайге больше всего лиственниц. И медведи, и соболи, и северные олени вроде бы одинаковые, и даже дикая смородина и малина, а на самом деле всё разное, ну как разные страны.

Но и в Тувинской, и в Якутской тайге живут бесстрашные охотники-следопыты. И на великой сибирской реке Лене, и на быстрых горных реках Тувы ловят рыбу и сплавляют лес рыбаки и плотовщики, которые знают каждый подводный камень, каждую отмель на своей реке.

В книге этой вы прочитаете о путешествии по Лене под парусом, о жизни охотников Тувинской тайги, а также о самых дальних наших островах — Курильских.

Охотничий посёлок

На охотничий посёлок со всех сторон наступает тайга. То дорожки между домами зарастут лесными травами, то вдруг зазеленеет на аэродроме молоденькая ёлочка, а то пойдёт утром хозяйка на огород, а все грядки истоптаны медвежьими лапами. А когда горит тайга, то в посёлок прибегают спасаться бурундуки. Они сидят на крышах, на заборах, в курятнике, и так их много, что собаки делают вид, что не замечают нашествия — лаять надоело.

Один раз пошли коров загонять, смотрят — в стаде дикий олень с коровами траву щиплет; увидел людей и в тайгу ушёл.

Коровы пасутся на аэродроме, и, когда над тайгой загудит самолёт, ребята бегут на аэродром и прогоняют коров, чтобы самолёт мог приземлиться. Лётчики берут с собой в полёт ружья, патроны и спиннинги. Если испортится мотор, придётся посадить самолёт на таёжную поляну и, пока не придёт помощь, кормиться охотой и рыбной ловлей.

На аэродроме

Ребята помогают разгружать самолёт. Скоро охотники уйдут в тайгу за соболями и белками. Самолёт привёз в посёлок мешки с сухарями, муку, сахар, яблоки, папиросы и бочки с бензином — для лодочных моторов. Разгрузят все товары, а в самолёт будут грузить бочки с солёной рыбой, грибами, мешки с кедровыми орешками, ягоды, а зимой, когда начнётся промысел, грузят пушнину: соболей, белок, рысьи и медвежьи шкуры.

В горах погода меняется быстро. Сейчас светит солнце, а налетит ветер и перевалы закроет облаками — тогда лететь опасно... Поэтому лётчик торопит ребят. Они и сами торопятся разгрузить, ведь эти товары для них привезли: в ок-

тябре — школьная практика; с учителем они пойдут в тайгу на промысел, стрелять соболей и белок; учиться разводить костры, когда дует ветер со снегом и дрова сырые; узнавать по лаю, кого почуяла собака; ходить по тайге бесшумно, чтоб ни одна веточка под ногой не хрустнула. Ребята учатся переправляться через быстрые горные реки. Лодку там может разбить на подводных камнях или перевернуть на порогах.

Таёжная река

Таёжная река начинается высоко в горах, среди снежных вершин. Сначала она бежит холодным ручейком по горной тундре, среди карликовых берёзок и моха ягеля. Воду из неё пьют дикие олени и горные куропатки, а под водопадами весной мечут икру хариусы с красными, как перья жар-птицы, плавниками.

Ниже река грохочет камнями среди вечнозелёных кедров. На дне среди камней тускло горит под водой золотой самородок. Рябчики и глухари приходят на её берега, чтобы поклевать камушки и напиться воды. По стволам поваленных бурей кедров чёрной бесшумной тенью пробегает соболь.

Ещё ниже река ревёт, и радуга висит над камнями. По берегам растут золотые лиственницы с мягкой хвоей, и к водопою на рассвете приходят лоси и медведи.

Много опасностей подстерегает охотника и рыбака на таёжной реке.

За крутым поворотом лодку несёт на каменную стену, и горе охотнику, если он не выгребет подальше от берега, на середину реки. Каменные «щёки» сдавливают реку и нависают над ней, и лодку мчит, как с горы; зазевался рулевой — разобьёт в щепки о подводный камень, и самому не вылезти на крутые склоны, да и течение унесёт. Вы-

рывается река из «щёк» и на широких плёсах разбивается на десятки рукавов, а между ними длинные острова, с которых склоняются над водой чёрные ели.

Но самое опасное место таёжной реки — это пороги!

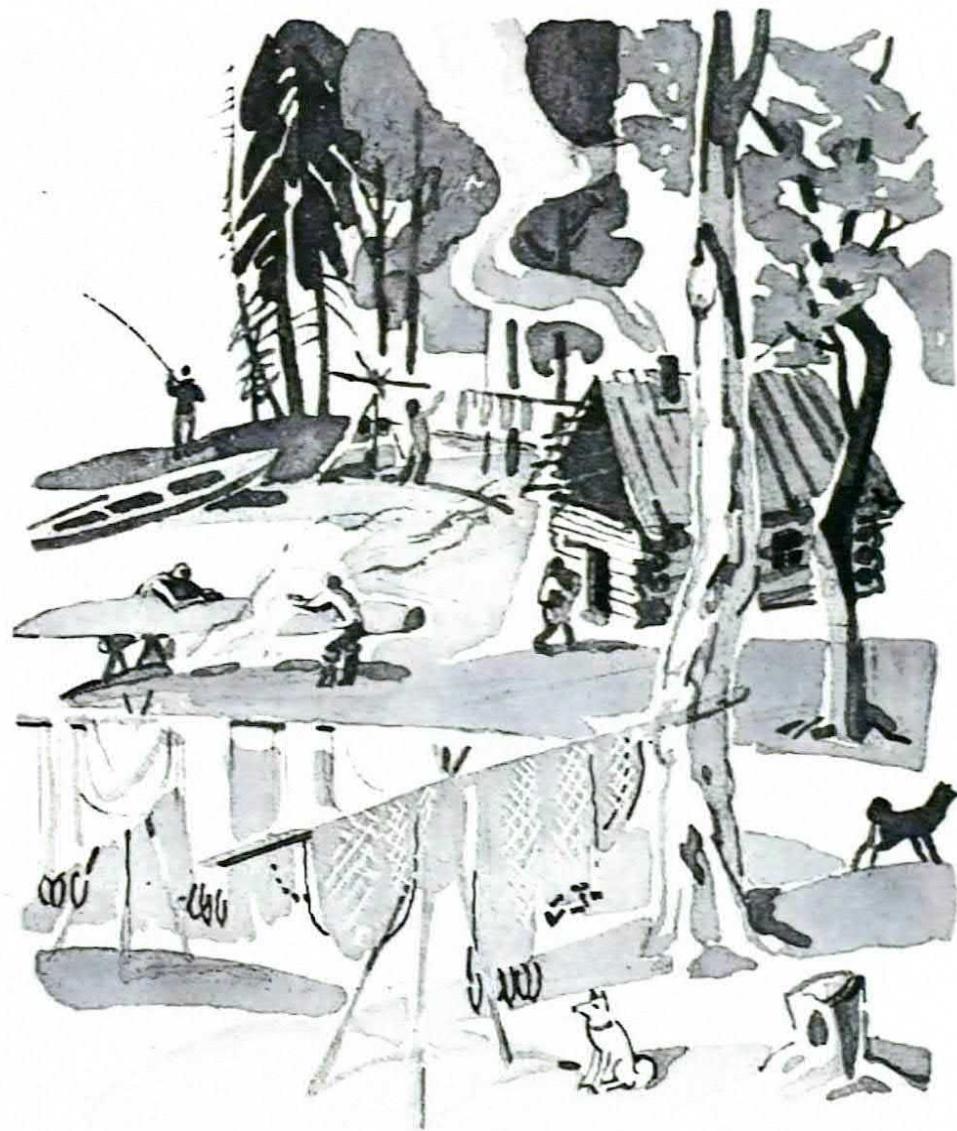
По каменным ступеням с рёвом мчится вода, лодку подхватывает и... вниз, как с крутой и длинной горы. То справа, то слева пролетают острые камни. На лодке все молчат, ведь всё равно человеческий голос не слышен в этом рёве. Порог... Ещё порог! Лодку кидает вниз, волна обдаёт охотников с ног до головы ледяной водой, а лодка всё мчится, мчится! Лодку ведёт самый старый, самый опытный охотник, он здесь каждый камень знает. Да и он иногда бледнеет: чуть-чуть бы — и всё! А ведь и плоты сплавляют вниз по реке тоже через пороги, да ещё на плоты бочки с рыбой. Бывает, вниз доплывают одни брёвна. Плот не лодка, он весь под воду уходит, а плотовщики привязывают себя на опасных местах верёвками к плоту, чтоб не смыло.

Таёжным охотникам надо много знать, уметь и ничего не бояться.

Рыбачий стан

За поворотом реки — рыбачий стан. Сушатся сети на шестах, рыбаки чинят лодки, обмазывают их смолой и тут же разделяют рыбу и засаливают её в бочках.

Бочки с рыбой складывают в специальную избушку, потом их погрузят на плот или на лодку, сплавят вниз по реке в посёлок. Лодки в тайге делают из целого ствола тополя: обтёсывают от коры и сучков, потом выдалбливают середину ствола — получается узкое корыто. Его распаривают над огнём и между стенками корыта вбивают деревянные клинья — распорки, чтобы борта были пошире. Потом обтёсывают

топором днище — и готова длинная, лёгкая и узкая, как индейская пирога, промысловая лодка. Такая лодка проскочит между любыми камнями, не опрокинется на порогах, легко и бесшумно будет скользить по таёжному озеру. А если нужно, возьмёт рыбак шест в руки, и лодочка пойдёт против течения.

Быстры горные реки, но рыбы, которые живут в них, выбирают самые бурные и каменистые протоки. Они стоят головой против течения у водопадов и под порогами. Тело у них стройное, а плавники режут ледяные струи горных потоков. Самые главные рыбы таёжных рек — это таймень, ленок, хариус и сиг.

Таймень — самая сильная и большая рыба. Когда она охотится, то ударом хвоста глушит мелких рыб и ест их. Бывает, что таймень весит 80 килограммов. Тайменя ловят на «мышь». Её делают из беличьего хвоста или из целой бурундучьей шкурки. Из «мыши» торчат, как якоря, крепкие тройные крючки, да и леску нужно очень толстую. Закидывают «мышь» спиннингом с лодки или с берега в речную быстрину, таймень жадно хватает приманку — и тут уж не зевай! Так же, да ещё на блесну, яркую и блестящую, как чешуйчатый бок у плотвички, ловят краснопёрого ленка. Он поменьше тайменя, в нём только 10—12 килограммов.

Красавца хариуса ловят на «мушку». «Мушку» делают из пучка медвежьей шерсти, а в середине — крючок. Стоит рыбак на лодке, закинет удочку, чуть коснётся «мушкой» воды, а хариус уже выпрыгивает над рекой и хватает на лету.

Сиг любит спокойную воду таёжных озёр и широких речных плёсов. Его лучше всего ловить сетью.

Все эти рыбы любят быструю, чистую и холодную воду, каменистое дно, и, когда весной начинает тяжелить икра, они плывут всё выше и выше по таёжным рекам, через поро-

ги и водопады, перепрыгивают через поваленные в реку деревья, чтобы выпустить икринки в самую чистую воду горных снегов.

На берегу синего озера

Высоко в горах, на берегу синего озера, живут олениводы. Оленей вниз, в тайгу, пригоняют только в октябре, когда выпадает снег, а раньше оленям в тайге жарко; да и в горах олени уходят пастись по тундре вечером, на всю ночь, когда каждая веточка, каждая травинка покроются белым инеем.

Олень — северное животное, а в горах даже летом холодно. За ночь чай замерзает, и утром в котелке лежит жёлтая льдинка.

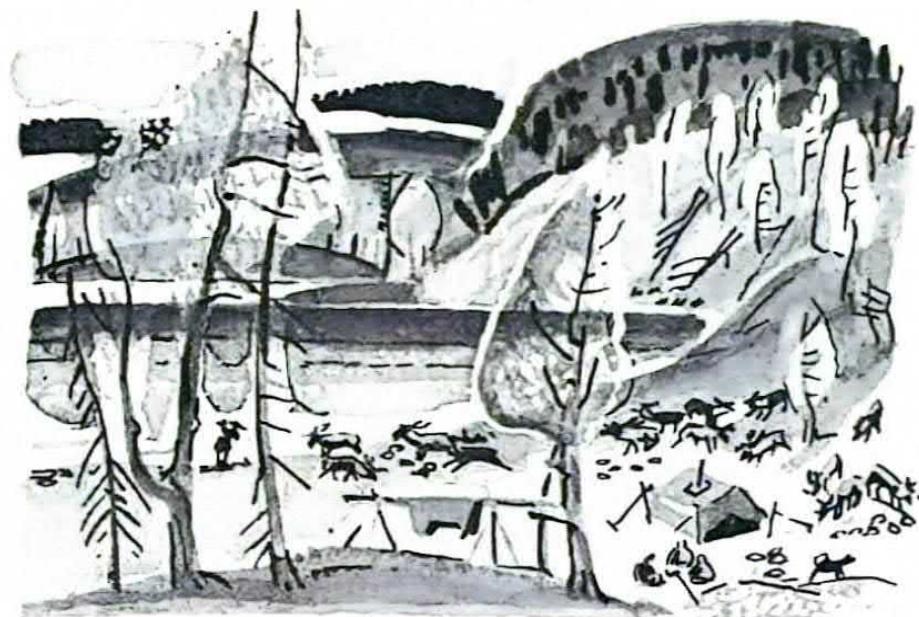
Но олень как будто специально создан для северных просторов: жестокого морозного ветра, глубоких снегов, длинных ночей, когда каждая звёздочка дрожит и искрится, как льдинка, в чёрном небе.

Олень быстро бежит по тайге, кусты он подминает под себя, переплывает широкие быстрые реки и никогда не тонет, потому что шкура не даёт ему пойти ко дну: каждая шерстинка — это длинная трубочка, наполненная внутри воздухом.

Олень не скользит по камням, потому что копыто у него расходится на четыре копытца и охватывает каждый камень, каждую кочку на топком болоте.

Нос у оленя покрыт серебристой шерстью, чтобы разрывать зимой глубокий снег и под снегом на мёрзлой земле находить белый мох ягель. Если бы шерсти на носу не было, олень бы его отморозил.

Олениха летом каждый день даёт всего пол-литра густого молока, зато молоко это такое жирное и вкусное, что один

стакан выпьешь — наешься. Оленьё молоко немножко горьковатое, как мох ягель, который едят олени.

Если человек упадёт с оленя, он разобьётся сильнее, чем если бы он упал с лошади. Ведь олень совсем невысокий, поэтому, когда падают с него, не успевают перевернуться и упасть на ноги или боком и падают головой.

Но охотники так ловко сидят верхом на олене, что стреляют соболей и белок на ходу. Для этого у охотника есть длинный шест с крючком на конце: убил соболя, зацепил его крючком, положил в сумку — и дальше, не слезая с оленя.

Олени добрые и умные животные. Когда охотник едет верхом на олене по зимней тайге, олень чувствует под глубоким снегом незамерзающие ключи и обходит их. Олень не боится человека, если он идёт к нему открыто. Но если олень увидит, что человек притаился за деревом, он сразу убежит; а если на олене едет охотник, олень встанет и дальше не пойдёт. Никогда не бывает, чтобы олень разозлился или ударил охотника рогами.

Бывает так: поранит олень в камнях ногу, кожу сдерёт до кости. Тогда оленеводы ловят его длинным арканом за рога, валят на землю и держат, а один оленевод осторожно срезает ему кожу на ноге и больное место присыпает лекарством; олень не вырывается, лежит молча и только глаза закрывает.

Его отпустят, он отойдёт в сторону, хромя на больную ногу, постоит немножко и опять к людям подходит, губами тянет, просит соль.

Охотники говорят: «Олень работает за ложку соли. Свистни, и он мчится из чащи!»

Олень очень любит соль, и даже дикого оленя — шокжоя можно приручить, давая понемножку соль с руки.

Оленеводы живут в палатках, чтобы скорее можно было снять лагерь и перебраться на новое место: ведь зима в горах наступает рано, и олени спускаются вниз в тайгу вместе с зимой.

На шестах сушится медвежья шкура. Этого медведя убили ночью. Он пришёл к палаткам и хотел напасть на оленят-пыжиков. Они ещё слабые, их не пускают ночью со взрослыми оленями в тундру. Они живут в «детском саду»: на земле лежат длинные брёвна, к ним привязывают пыжиков, чтобы не убежали.

Много опасностей подстерегает пыжика, пока он не вырастет и не сделается взрослым оленем. И когда вырастет, он должен осторожно бегать по тайге. Медведь затаивается на оленьих тропах так, чтоб ветер дул от оленей и они не почуяли медвежьего запаха, подпускает оленя на три шага и бросается с рёвом.

Кедр склонил свои ветви над тропой, а на кедровой ветке притаилась рысь и ждёт, чтоб кинуться оленю на спину и перегрызть горло.

Зимой даже в самый сильный мороз в ущелье не замерзает наледь, ключевая вода широко разливается по льду. По

краям наледи притаились волки, ждут оленя. Копыта разъезжаются, скользят, и не убежать оленю от волчьей стаи.

Без оленя в тайге нельзя. Там, где не пройдёт ни верховая лошадь, ни человек по глубокому снегу и по болоту, олень пробегает, не сбавляя шага. Если олень остановится перед высоким завалом деревьев, охотник слезает, отпускает длинный повод, обходит завал, потом потянет оленя за повод с другой стороны бурелома, крикнет громко: «Хо!» И олень легко перепрыгивает через завал.

Ночью охотник разводит костёр — надью. Валит два сухих кедра, подальше один от другого, поджигает с одной стороны, и всю ночь горят два кедровых ствола, а охотник спит между ними прямо на снегу, тепло ему — с двух сторон огонь горит. Оленю на ночь спутывают передние ноги и пускают пастись. Он себе под снегом найдёт мох и далеко от костра не уходит.

Напугать его может только совиный крик в темноте, тогда олень рвёт путы и убегает в тайгу. В тайге он пристанет к диким оленям — шокжоям и одичает. Тогда охотнику придётся пешком добираться до посёлка, а снег выше колен и мороз лютый.

Зима

Зима спускалась в тайгу всё ниже, ниже. В горах красные лиственницы горят, как костры среди белых снегов. Птицы уже улетели на юг, только ночью слышно, как высоко в чёрном небе кричит дикий гусь, отставший от стаи.

В посёлке по ночам во всех домах горит свет, готовятся к охоте: чинят меховые ичиги, шьют из кожи с лосиных ног вьючные сумки — барбы. Таким сумкам не страшны ни снег, ни дождь: капли воды скользят по шерстинкам вниз, и сухари, чай, сахар, патроны всегда сухие.

Днём охотники собираются на улицах посёлка, вглядываются в золотые леса на горизонте, ждут оленей. В правлении колхоза охотники толпятся у карты. Бригады распределяют охотничьи участки, обсуждают планы охоты.

Однажды ночью налетел северный ветер, и утром заблестели на солнце снега, и в посёлок пригнали оленей. Пастухи загнали их за изгородь, и каждый охотник взял трёх оленей. Один верховой и два вьючных.

Охотники привели оленей к своим домам и спилили рога, а то верхом не сядешь — целый куст на голове растёт.

Все спешат поскорее уйти из посёлка в тайгу, потому что вокруг посёлка мох не растёт — олени голодные.

Белновать, соболевать...

Ребята помогают охотникам навьючить барбы на оленей. Надо, чтобы одна барба была не тяжелее другой и не съезжала с вьючного седла: олень быстро побежит по тайге, заденет за ёлку тяжёлой барбой, и ремешки оборвутся.

Всё уложено — котелок и ложка, на поясе большой охотничий нож в деревянных ножнах. В этих ножнах ещё маленькие ножны, и в них узкий, острый ножик, чтобы снимать шкурки с пушных зверей. За плечами охотника промысловое ружьё «Белка». Один ствол у этого ружья крупного калибра — на случай, если встретится медведь; а второй малокалиберный — на белку и соболя, чтобы не портить ценных шкурок большими пулями.

Лайки волнуются, им хочется поскорее в тайгу, где в вечнозелёном кедре притаился соболя, а из-под снега с треском вылетают рябчики, и на рассвете, когда потухнет костёр и над лесом загорится розовая заря, медведь подкрадывается к оленям.

Охотник спит на оленьей шкуре. Он стелет её около костра на снег. Олений мех не пропускает ни холода, ни сырости. Охотник просыпается чуть свет, раздувает костёр, кипятит чайник, вьючит оленей и... дальше в тайгу! Впереди бежит лайка, она ищет соболя и белку. Охотник чутко прислушивается к её лаю. На всех зверей лает она по-разному, и охотник по её голосу узнаёт, кого она нашла — соболя или белку, рысь или россомаху; но если она лает очень свирепо — это медведь.

Тихо в тайге зимой. Только иногда упадёт снежный ком с ветки, закричит кедровка да ворон пролетит высоко над горами. Тайга никогда не бывает мёртвой. Падают на снег чешуйки от кедровых шишек. Это белка на вершине кедрового дерева шелушит. Неслышно пробегает заяц. Глухарь клюёт хвою на пихте и отыскивает мёрзлую бруснику под снегом.

На снегу видны следы. Тонкая цепочка — след от горностая, он ищет мышей под снегом и охотится на рябчиков. Звери протоптали в снегу глубокие тропы. Олени ходят своей тропой, зайцы — своей.

Вот следы глухаря, и между ними соболиный след. Следы оборвались — и вдалеке на снегу кучка глухариних перьев. Соболя догнал глухаря и вцепился в него. Глухарь взлетел, и в воздухе соболя впился глухарю в шею.

Вдруг насторожились и бросились бежать косули, улетели глухари с пихты.

На поляну выбежал лось. Он тяжело дышит. Утопая в снегу, бежит, спасается от голодного медведя. Медведь гонит его день и ночь, не даёт передышки, чтоб не мог лось поесть, отдохнуть, набраться сил. Лось поранил ноги об ледяную корку наста, на снегу остаются пятна крови. Скоро лось выбьется из сил, и медведь догонит его и загрызёт.

Медведь не уйдёт от мёртвого лоса до тех пор, пока не съест всё мясо. Он и спать будет около туши.

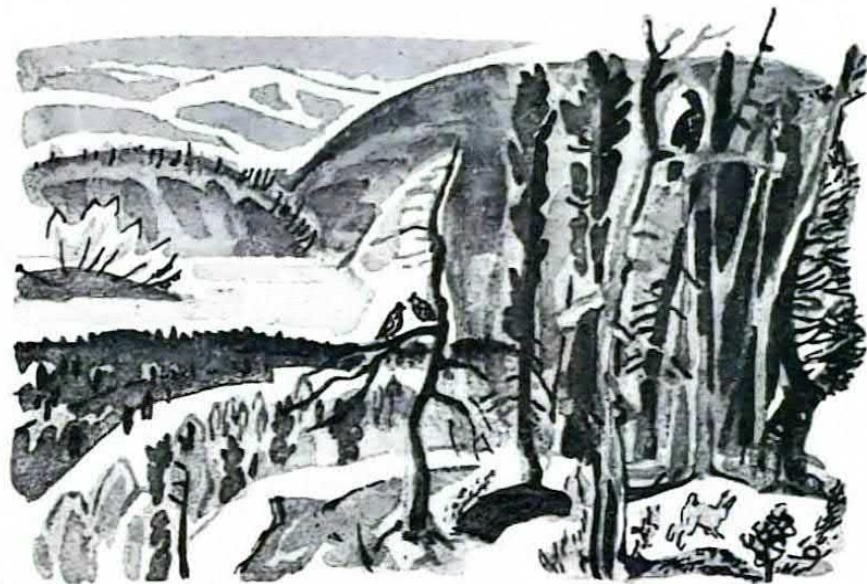
Вороны летят за лосем, ждут конца погони.

Осенью медведи наедают жир на кедровых орешках и тогда только ложатся в берлоги. Иногда бывает в тайге неурожай кедра, и медведи-шатуны бродят голодные по тайге.

Страшен голодный медведь. Он приходит в посёлок и забирается на конюшню или затаивается у самых дверей дома и лежит всю ночь не шелохнувшись — ждёт, когда выйдет человек.

Голодные медведи идут по тайге напрямик через горы, по льду озёр, переплывают реки, шкура у них смерзается, и пуля меткого охотника скользит по ледяному панцирю. Плохо в такой год охотникам. Они разжигают большие костры и всю ночь сидят у костра с заряженными ружьями в руках. Медведь может неслышно подползти против ветра так, что и лайка его не почувует. Недаром говорят тувинские охотники: «Медведь — как человек, только ружья нет!»

Охотник едет по тайге верхом на олене, лайка бежит впе-

реди на поводке. Выпал свежий снег — «пеленовка», которого долго ждал охотник. Ведь на свежем снегу звери оставляют только свежий след.

Лайка натянула поводок — впереди под кедрами след соболя. Соболь петляет, вот след исчез в буреломе. Соболь юркнул под поваленные деревья, пробежал под бревном и по бревну, и под корнем, и по каждой колодине пробежал, по каждой ветке, а потом прыгнул на три метра в сторону и убежал. Собака его след долго будет распутывать, а соболь за это время успеет далеко уйти. Поэтому охотник не спускает лайку, чтобы помочь ей «распутать» все соболиные петли на снегу. Но вот лайка натянула поводок и захрипела. Соболь близко. Охотник спускает лайку с поводка, привязывает оленя к дереву, снимает с плеча ружьё и идёт по следу. По лаю он знает, что собака догнала соболя. Соболь сидит на кедре и «уркает» на собаку. А лайка глаз с него не сводит, отвлекает соболя от охотника, лает. Охотник тихо под-

ходит и стреляет соболю в голову маленькой пулей, чтобы не испортить драгоценную шкурку. Охотник даёт лайке немножко потрепать соболя, а потом отнимает, чтобы чувствовала, что охотник ей верит. А это ещё больше подзадорит её.

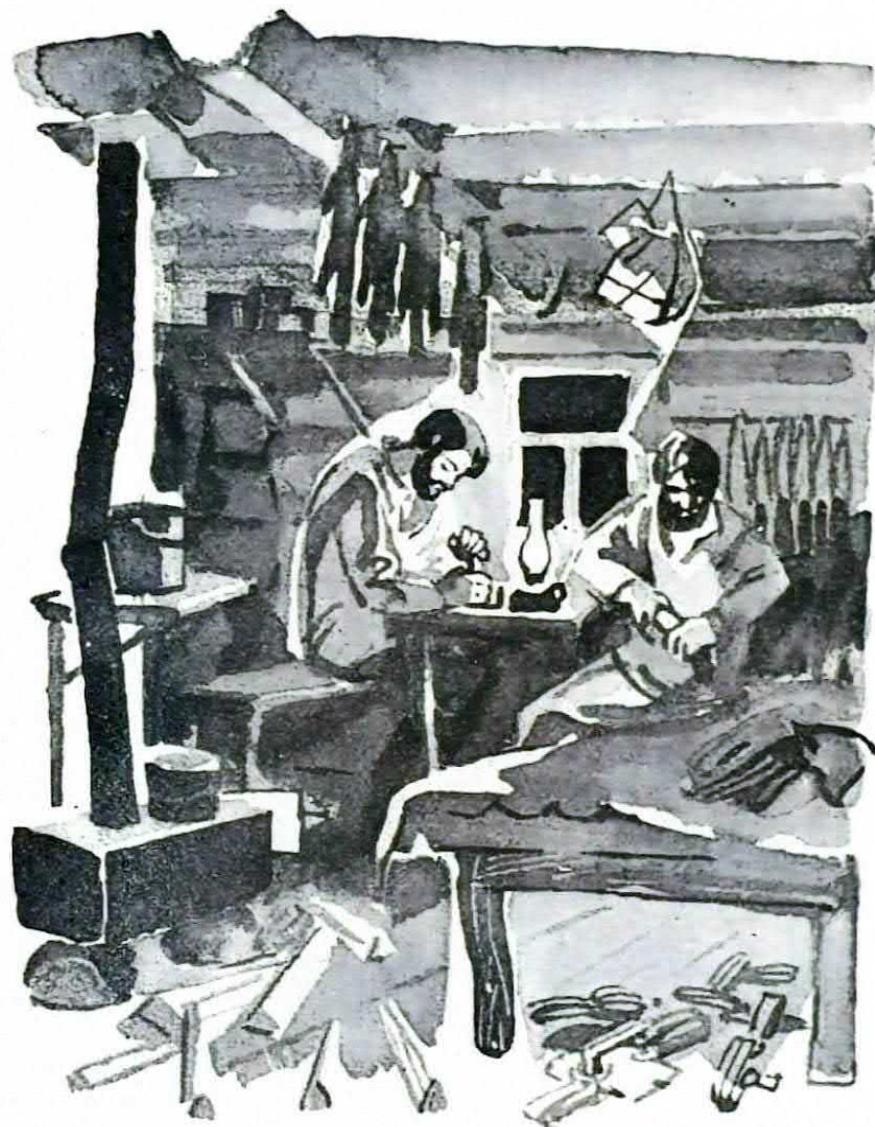
Но бывает, что соболю юркнуёт в каменную осыпь, и сразу не возьмёшь его. Тогда охотник привязывает собаку, огораживает камни сеточкой с колокольчиками, разводит на снегу костёр и ждёт. Ночью зазвенит колокольчик, собака залает — соболю выскочил, запутался в сеточке!

Избушка охотника

Охотничьи избушки стоят по берегам таёжных рек и озёр. Зимой в каждой избушке живут два охотника. Летом вверх по реке охотники завозят в избушки припасы: порох, дробь, муку, сухари, керосин, сахар, батареи для приёмников.

Когда охотник уходит в тайгу, он всегда оставляет в избушке спички, наколет сухих дров и положит в печку, нальёт керосина в лампу. Это на случай, если заблудится в тайге незнакомый охотник или убегут от него олени. Придёт он в избушку, быстро обогреется, сварит себе еду. И, перед тем как уйти, обязательно наколет дров и приготовит всё для другого человека. И никто не удивляется, если, возвратившись в избушку, увидит, что продуктов стало меньше — значит, кто-то был. Таков закон тайги.

А бывает, придёт непрошенный гость — медведь, выломает дверь, всё разломает. Потом охотник находит пустой мешок от сахара за рекой, миски все помяты и разбросаны по тайге, даже батареи от радиоприёмника и то пожёваны, а уж от приёмника только куски скрученные оставит. Весь пол в избушке засыплет мукой, зальёт керосином.

Но от такого гостя, да ещё от росомахи, делают на дереве, высоко от земли, лабаз — помост из жердей. Под ним внизу весь снег истоптан медведями. Ходили вокруг, нюхали да слюни пускали, а добраться до припасов не могли.

Когда выпадает глубокий снег, охотник не берёт в тайгу лайку: она тонет в снегу. Охотник протаптывает тропы на широких лыжах, подбитых камусом — шкуркой с лосиных ног. Шерстинки вперёд скользят, а назад не пускают — топорчатся. Охотник ставит на соболя капканы, припорошивает их сверху снегом. «Настораживает» чирканы около норок и на горностаевых тропках. Чиркан — это лук-самострел, только вместо стрелы у него лопаточка. Горностаи наступит на сторожок — лук распрямляется и лопаточка придавливает зверька.

Приманку для капканов — мясо белок, птичек — готовят, как только ударит мороз. Даже пёрышко от глухаря годится для приманки. Если соболь увидит его, обязательно подбежит понюхать и попадёт в капкан. К капкану привязывают тяжёлую чурку — потаску, чтобы зверёк не утащил капкан далеко.

Охотник носит капканы за спиной на крошнях: на раме натянута кожа, чтобы капканы не тёрлись о телогрейку и не пахли человеком.

Вечером возвращаются усталые охотники с добычей в избушку, разжигают печку, пьют чай и сразу начинают снимать шкурки с соболей и белок.

Кругом ночь, за стеной избушки воет ледяной ветер, а в избушке тепло, горит огонь в печке, мыши скребутся под полом.

Охотники работают и рассказывают друг другу, что случилось за день: один охотник видел, как выдра скатывалась на животе по снежной горке на речном обрыве, как кабарга объедала мох с поваленного дерева...

А второй охотник видел, как волки гнали оленя, только, жаль, далеко, стрелять нельзя. И ещё на южном склоне горы лось грелся на солнце, и рябчик затаился на ветке так близко, что можно было достать рукой.

До свидания, Тува!

В Туве такие обычаи.

Если идут охотники по тайге и первый убивает соболя, он отдаёт его тому, кто шёл последним. Ведь ему было труднее убить соболя.

Если охотник убьёт дикого оленя и повстречается с другим человеком, даже незнакомым, он отдаст ему половину добычи.

Тувинец никогда не станет ловить рыбы больше, чем может съесть. И всегда поможет другому человеку.

Много чудесных обычаев и законов в тувинской тайге, и живут там благородные люди. А какие смелые там охотники: они подпускают медведя на пять шагов и стреляют точно в сердце.

Кто побывает в тувинской тайге, тот никогда не скажет Туве «прощай»! Его всегда будет тянуть к себе бескрайняя голубая тайга, ночи у костров, одинокие кедры высоко в горах.

До свидания, Тува!

ПРО ОЛЕНЕЙ

Много дней мы ехали по тайге на лошадях. То они вязли в болоте, то спотыкались на камнях и падали. Лошади с трудом продирались сквозь чащу, а когда мы переправлялись через горную речку, лошадь повалило течением и я чуть не утонул.

И каждый раз наш проводник, тувинец Чоду, говорил:

— На оленях мы бы уже в горах были!

И мне хотелось поскорее увидеть оленей: что это за звери такие удивительные — без тропы по болоту бегом бегут и не вязнут и реки переплывают не останавливаясь!

Приехали

Перевалили через одну гору, через вторую, а на третьей уже не ёлки росли, а огромные кедры с обломанными верхушками. Медведи их обломали, чтобы добраться до кедровых шишек.

Впереди ещё гора. На ней ничего не растёт: всю землю сдуло ветром, остались одни камни.

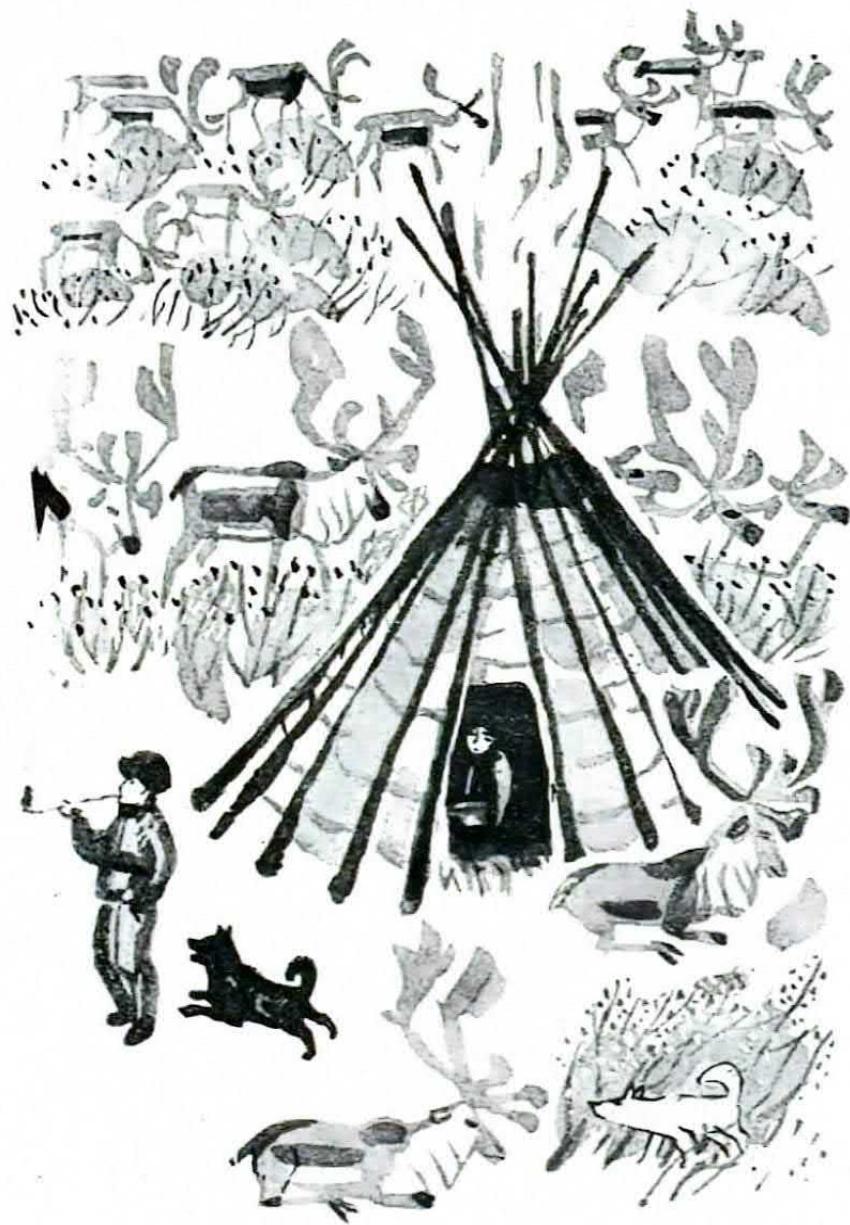
Я хотел спросить Чоду, скоро ли мы доедем, да не успел. Внизу, под горой, я увидел белые мхи... и во мхах, как лодки на волнах, покачивались олени спины и рога.

Мы спустились к чуму на берегу ручья. За чумом... я сначала подумал, что это целый лес обгорелых кустов, а когда пригляделся, оказалось, стадо оленей лежит, и не кусты это, а рога. Каких только рогов тут нет! И высокие длинные, и ветвистые широкие, а у одного оленя столько отростков, что они загибаются вниз, за уши.

На земле рядом лежат брёвна, и к брёвнам привязаны олени-пыжики. Рожки у пыжиков как два кустика, поросших мягким чёрным мохом. Вместе с большими оленями их не пускают. Большой олень убежит от медведя, а пыжик ещё слабый.

А глаза у оленей добрые и печальные.

Белая собака

Собаки залаяли и побежали к нам. Я думал, они кусаться будут — такие большие и свирепые. Мы слезли с лошадей, собаки бросились и стали на нас прыгать и облизывать руки, а одна белая собака от радости визжала и покусывала мне ногу.

Я спросил Чоду, чего они так радуются.

— Скучно им, вот и рады, что мы приехали!

Чоду закричал на белую собаку, она поджала хвост и отошла. Мне её стало жалко, а Чоду говорит:

— Беда с этой белой, её олени издали видят и не поймут, что за зверь. Пугаются, бегут... потом их ищи!

Мне всё равно эту собаку было жалко: чем она виновата, что белая.

Голодные медведи

В чуме жена Чоду стала рассказывать, как ночью приходил голодный медведь, утащил оленью шкуру, разорвал её и съел.

Шкура сушилась совсем близко от чума, и жена Чоду очень напугалась, потому что медведь громко рычал и совсем не боялся собак.

— Хорошо, что оленей не тронул — голодный был медведь, очень голодный! — сказала она.

Чоду стал ругать бурундуков. Я ничего не понимал: голодный медведь съел шкуру, а виноваты бурундуки.

Оказывается, в этом году мало кедровых шишек поспело, да и те бурундук вниз спустил. Бурундуки набивали кедровые орешки за обе щеки и тащили в свои кладовки. В каждой килограммов по десять орехов, а таких кладовок у бурундука несколько. Медведям скоро на зиму надо ложиться

в берлогу, а они жир не накопили, голодные бродят по тайге.

И опять Чоду стал ругать бурундуков, и я узнал, что бурундук сделал себе запасы на три года, — значит, три года не будет кедровых шишек. И я тоже разозлился на жадных бурундуков за то, что они столько орехов запасли, а о других зверях не подумали.

Князёк

Всю ночь за чумом трещали сучья в костре, треск то удалялся, то приближался. И вдруг у самого чума как затрещит! Я думал, огонь добрался до чума, и выскочил на улицу, а это совсем не огонь, это олени копыта так потрескивают при каждом шаге. Я спокойно уснул. Утром меня разбудили олени. Они стучали рогами в стенку чума, просили соли.

Днём все олени бегали вокруг костра-дымокура. Ветер свалил дым в одну сторону, к земле, и олени по очереди вбегали в дым и отгоняли от себя мошек и ко-

маров. Огромное стадо молча бегало вокруг огня, только слышно, как копыта потрескивают да рога стучаются друг о друга.

В стаде был один совсем белый, как снег, олень. Его называют Князёк. Он гордый, как настоящий князь. И рога у него на голове растут, как корона. Я насчитал шестьдесят четыре отростка.

Около чума сушился мешочек с мокрой солью, и земля стала немножко солёная. Князёк всё время вылизывал солёную землю, а других оленей прогонял. Только не бил рогами, а поднимал переднее копыто и пугал. И все олени слушались его.

Однажды олени прибежали к чуму, а Князька нет!

Чоду поехал разыскивать его и далеко в горах нашёл рога и клочки белой шерсти.

Князька съел медведя. Он притаился за кедром, убил Князька, схватил передними лапами и унёс в горы.

Чоду узнал это по следам: на земле белой шерсти не было, только медвежьи следы от задних лап.

Князёк погиб, потому что уходил один к горным озёрам.

Вода в озёрах синяя, и холодный ветер с горных вершин звенит в одиноких кедрах.

Медвежья шкура

Всю ночь около чума горел большой костёр. Чоду сидел у огня с карабином и прислушивался.

Я думал, медведь уже не придёт, и уснул.

Вдруг залаяли собаки. Они стали кидаться в темноту.

Чоду положил в костёр большое полено и...

«Уагг... уагг!..» — заревел медведь.

Глаза медвежьи от огня горели красными угольками.

Чоду выстрелил из карабина.

«Уагг... уагг... уагг!..»

Медведь тяжело повалился на бок и ревел, ревел, а сам всё полз, полз к костру.

Он поднял голову. Чоду опять выстрелил.

«Уагг...»

Медведь последний раз зарычал, голова упала, огоньки погасли. И Чоду стал отгонять собак от мёртвого медведя.

Шкуру с медведя сняли и повесили сушиться. На боках у медведя шерсть была совсем вытерта. Чоду сказал, что в берлоге был камень, и когда медведь зимой во сне ворочался, он стёр с боков шерсть.

Олени издалека смотрели на шкуру, нюхали воздух, испуганно косились и не подходили.

Первым к шкуре подошёл коричневый пыжик, понюхал её и боднул чёрными рогами.

За ним подошёл оленёнок постарше, а потом все олени подходили и бодали рогами шкуру медведя. Они мстили за своего белоснежного Князька.

„Зверный олень“

Я каждый день взбирался на горку и смотрел оттуда, как пасутся олени. Они щиплют мох, а сами всё время вскидывают голову и оглядываются, нюхают воздух — не подкрадывается ли медведь.

Я видел у одного оленя царапину от медвежьего когтя. Медведь кинулся на оленя, да не успел схватить, только оцарапал.

Прошёл уже год, а рана всё не заживает — такая глубокая. Поэтому олени ходят стадом. Один почует опасность, зафыркает, и все олени насторожатся и убегут.

Однажды я смотрел, как кружится орёл. Когда он скрыл-

ся за высокой горой, на горе я увидел белую точку. Она ползла высоко-высоко, по самому краю обрыва.

Я взял у Чоду бинокль: оказалось, что олень щиплет мох, а хвост свой белый задрал кверху.

Ноги у него стройные и длинные.

Я побежал к Чоду и сказал, что высоко на горе бродит дикий олень.

Хвост у диких оленей больше, чем у домашних. Когда они бегут по тайге, белый хвост мелькает в чаще — показывает дорогу оленятам.

Чоду посмотрел в бинокль и покачал головой:

— Это не дикий. Его мать к диким убегала, а потом родился он — от дикого «зверного оленя», — вот его и зовут «зверный олень».

И Чоду рассказал, что «зверный олень» всегда держится один, подальше от остальных оленей, и не даёт под седло.

Зимой его поймали и отдали охотникам. Они привели его назад без глаза. Он хотел сбросить вьюки и так помчался по тайге, что выколол себе глаз об сучок.

И ещё я узнал, что «зверный олень» вдруг исчезает. Охотники рассказывают, что видели его на озере Найонхоль, за двести километров отсюда.

Потом «зверный олень» опять появляется, и сделать с ним ничего не могут. Он наполовину дикий и любит один мчаться по тайге и встречать восход солнца в снежных горах.

Хариусы

Весной среди карликовых берёзок бежит холодный ручей. В жаркий день снега на вершинах гор растаяли, и ночью я никак не мог уснуть — слушал, как река шумит водопадами, гремит камнями.

К утру речка затихла, и только за чумом под высокими кедрами звенел струйками водопад.

Над водопадом висела радуга, а под радугой в речке сверкали перья жар-птицы.

Я подошёл, и перья исчезли. Я сидел на берегу очень тихо, и перья снова зажглись, задрожали в ледяных струйках. Это хариусы. Они плывут против течения, всё выше и выше в горы. И там, где самая чистая и холодная вода, они вымётывают икринки.

Плавник на спине хариуса красный и широкий, как парус. Он режет водяные струи водопадов и помогает плыть против течения.

Медведь стережёт хариусов на перекатах.

Орёл-рыболов кружится в небе над речкой — не сверкнёт ли перо жар-птицы?

Выдра караулит хариусов под водой, за поворотом ручья.

А хариусы плывут в своём брачном наряде всё выше и выше. На перекатах ползут на брюхе, перепрыгивают через водопады.

Всё выше и выше, чтобы выметать икринки в чистую воду среди горных снегов.

Пыжики

Днём олени бродят вокруг чума, ждут вечера. Вечером они убегут на всю ночь поближе к горам, где растёт много белого моха — ягеля.

Ночью там настоящий мороз, и на рассвете можно ползать иней на камнях.

Взрослые олени бродят вокруг чума, а пыжики бегают к ручью. Один пыжик встал посреди ручья и замер. Ушки вверх, стоит, вслушивается в тишину. Ветер налетел, скрипнула

ветка на кедре. Пыжик бросился бежать и исчез в карликовых берёзках, только рожки-огарки мелькнули.

Подошёл другой пыжик, напился, поднял голову и тоже замер, вода капает с мордочки.

Я хлопнул в ладоши, он прыгнул через ручей да прямо в воду: ножки у него ещё слабые, не может допрыгнуть до берега.

Вечером около чума пыжики меня совсем не боятся. Подойдут и руки лижут — просят соли.

Днём к пыжикам не подойдёшь. Они бегают, бодаются, прыгают через ручей, тревожно глядят за пролетающим вороном.

Пыжики играют в диких оленей, они готовятся стать взрослыми.

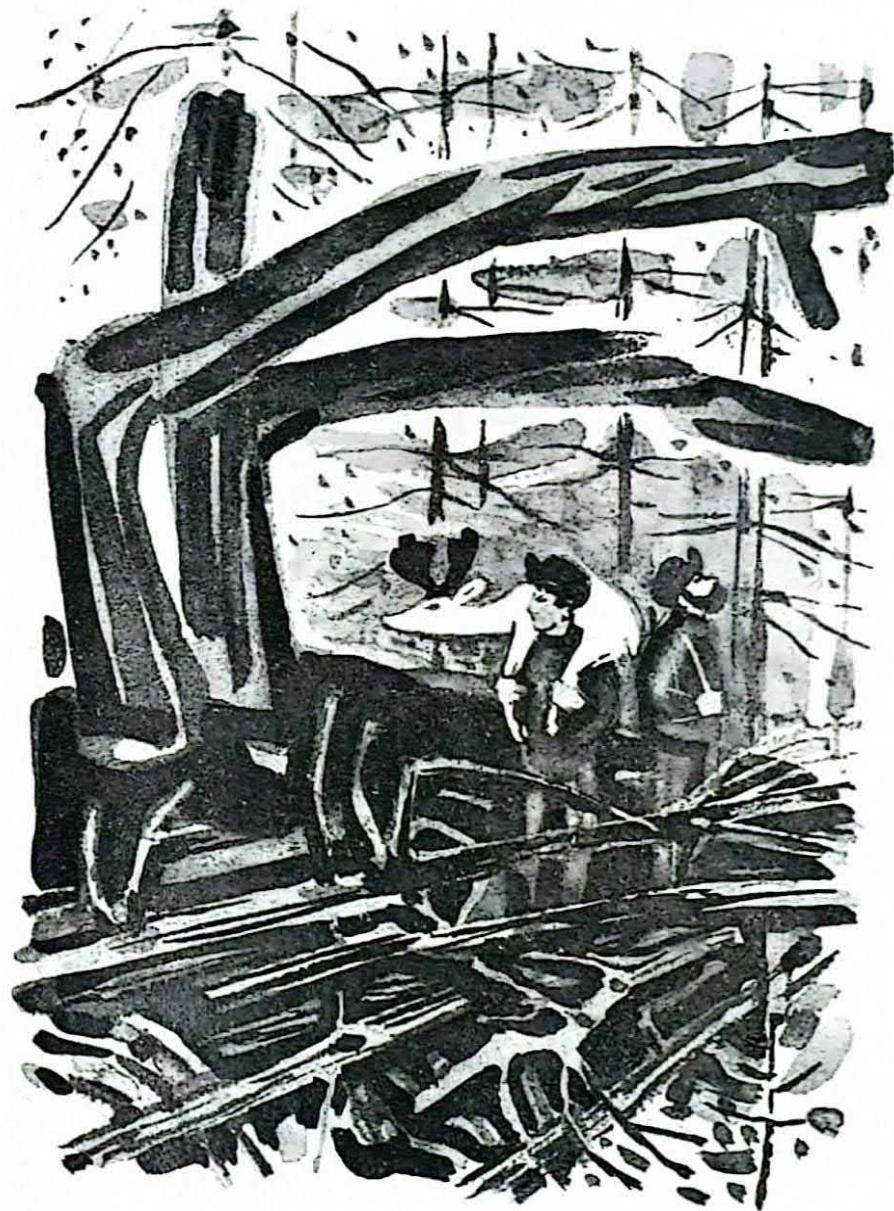
Белый пыжик

Наступила осень. Однажды ночью подул ветер со снегом, и утром солнце хотя и растопило снега, но листики на карликовых берёзках покраснели.

К вечеру пыжиков привязывали к брёвнам, а днём они гуляли с уздечкой — монгуем. На мордочку надевается кольцо из дерева, в кольцо торчит палочка из оленьего рога, и за палочку привязывают переднюю ногу пыжика — на трёх ногах он далеко не убежит.

Каждый день мы пересчитывали пыжиков, но всё равно не уследили. Ночью белый пыжик отвязался от бревна и убежал за взрослыми оленями в тайгу, за грибами. Олени очень любят грибы. Медведи знают это и подкарауливают их ночью на тропах.

Утром мы с Чоду зарядили ружья пулями и пошли разыскивать белого пыжика.

В тайге было много звериных троп. Маралы и дикие козы протоптали из чащи широкую тропу к водопою и на солонцы под кедром, где земля солёная.

Мы нашли узкую заячью тропку. Она привела нас из чащи на поляну, где трава была зелёная и росла заячья капуста и молодые осинки. Но нигде не было следов от маленьких копыт белого пыжика. Только маральи следы да лосиные, а поверх них медвежьи, с глубокими дырками от когтей.

По маральей тропе мы пошли в горы. По сторонам от тропы валялись вывороченные камни. Это медведи разрывали бурундучьи норы, чтобы добраться до их запасов, и выбрасывали камни вместе с землёй. На одной лиственнице вся кора была содрана медвежьими когтями.

Чоду сказал, что медведи это дерево знают и всегда меряются, кто выше обдерёт кору зубами или когтями. И если медведь не достанет до самой высокой метки, он поскорей уходит из этой тайги: он знает, что есть медведь ещё больше его, которому он мешает охотиться.

Я спросил Чоду, почему медведи на лиственнице меряются, а не на кедре — ведь в горах больше кедров.

Чоду сказал, что у лиственницы кора мягче.

Я посмотрел на самую верхнюю метку и сказал Чоду, что надо поскорей найти пыжика.

В горах очень тихо. Чоду всё время кричал: «Оо-оо-оо!» Так зовут оленей, когда дают им соль. Но пыжика нигде не было.

Мы хотели уже возвращаться, как вдруг услышали: где-то далеко закричал ворон. Над нами пролетел к нему второй — только слышно, как крылья шумят в воздухе.

Мы пошли в ту сторону и увидели огромные стволы мёртвых кедров; они лежали друг на друге, старые и почерневшие. Кедров росли высоко на вершине горы, вцепившись кор-

нями в землю, и во время бури валялись вниз с кручи. Это было кладбище кедров.

Три ворона сидели на чёрных ветках. Мы спугнули их и стали перелезать через стволы.

В буреломе мы увидели белого пыжика. На мордочке у него болтался обрывок уздечки.

Мы спускались вниз с гор. Чоду нёс на руках пыжика и рассказывал, что если бы мы опоздали, на крик воронов пошёл бы медведь.

Чоду рассказывал, как много надо знать белому пыжику, чтобы стать взрослым оленем. Надо не бояться, когда рябчики с треском выпорхнут из-под копыт зимой. Потом белый пыжик научится узнавать под глубоким снегом родник и будет обходить его. И ещё приучится к выстрелам, потому что, когда с медведем встретишься, надо стрелять с оленя.

Только никогда, сказал Чоду, олень не приучится к совиному крику в темноте, да и не нужно. Олени боятся совиного крика, поэтому, когда олени разбредутся по тайге, стоит закричать, как сова, — ууух! — и всё стадо соберётся вместе.

Снег утром таял всё медленней, и жена Чоду стала готовить для оленей вьючные сумки из камуса. Камус — это кожа с лосиных ног. Она не боится ни дождя, ни снега.

Оленей собирались перегонять ближе к посёлку. Скоро наступит настоящая зима, и охотники верхом на оленях пойдут в тайгу за белкой и соболем.

Я простился с женой Чоду. Белая собака долго бежала за нами — никак не хотела расставаться.

По дороге, когда я видел красивую долину или озеро, то представлял себе в этой долине или на берегах озера оленей: как они щиплют мох, вскидывают головы, прислушиваются...

По реке, через которую мы переправлялись, плыли белые льдинки, и я представил, как стадо оленей переплывает через эту реку и только головы и огромные рога, как кусты, плывут среди белых льдин.

Чоду мне подарил уздечку белого пыжика. Она сплетена из конского волоса. И когда я писал про оленей, уздечка лежала передо мной на столе.

НА ХОЛОДНОЙ РЕКЕ

„Гусар“

Когда самолёт подлетал к Якутску, тут я её и увидел и говорю Владимиру Дмитриевичу:

— Вот она, с правого борта!

Он посмотрел:

— Это не Лена, это протока ленская. Лену ты скоро увидишь!

Но Лена осталась в стороне, земля наклонилась, и самолёт пошёл на посадку.

В Якутске мы помогли друг другу взвалить на плечи рюкзаки и пошли на другой конец города, к нашей шлюпке, которую я ещё не видел.

Шлюпка наша лежала перевёрнутая вверх дном в самом углу двора. Она заросла лебедой и крапивой, только под шлюпкой трава не выросла — там не было солнца.

Шлюпка была закутана тряпками, мешками и старыми обрывками от сетей.

Мы сняли всё тряпье, отошли в сторону и молча смотрели на неё. Владимир Дмитриевич подошёл к ней и стал внимательно разглядывать каждую трещинку, каждый шурупчик:

— Ты посмотри, какие у неё обводы — в океан выйдем на ней, до Новосибирских островов дойдём! До Тикси наверняка дойдём!

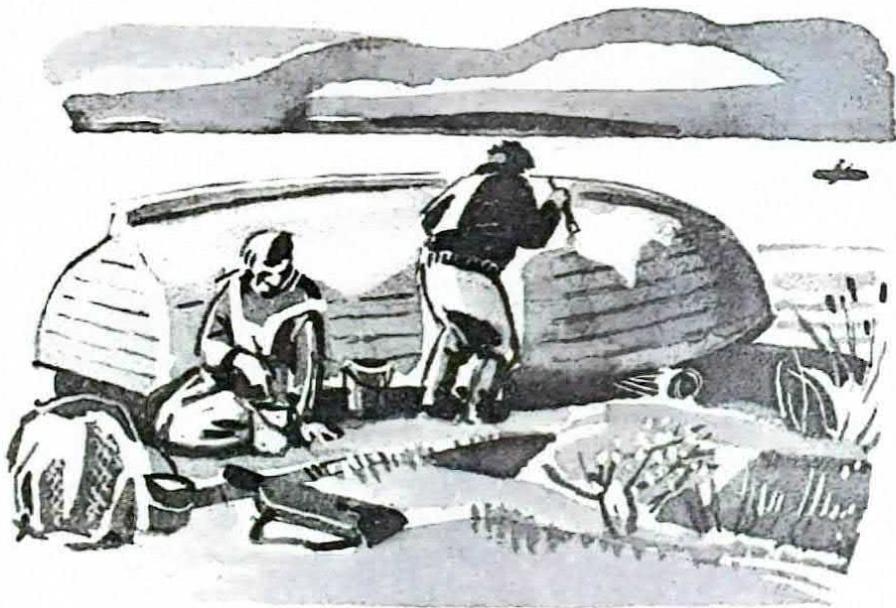
Мне она показалась маленькой — четыре метра длина, полтора — ширина. Но зато устойчивая, как скорлупа от орешка.

Мы принесли олифу, белила и стали её красить.

— У хорошего судна должен быть морской вид! — сказал Владимир Дмитриевич.

Сначала я не умел красить: макал кисть в банку с белилами, и получалось много подтёков. Владимир Дмитриевич сердился:

— Понемногу бери на конец кисти и втирай, втирай, а не мажь!

Наконец покрасили, сели на травку и закурили.

— Нужно её назвать, — сказал я. — Назовём нашу шлюпку «Кашалотом».

— Неплохо, — сказал Владимир Дмитриевич, — но можно лучше.

— Назовём «Осетром»!

— Можно ещё лучше, — сказал Владимир Дмитриевич.

— Хорошо, — сказал я, — пускай будет «Осьминог».

— Не пойдёт, — сказал Владимир Дмитриевич, — нужно что-нибудь настоящее.

— Осьминог, по-вашему, не настоящий? — спросил я.

— Назовём её «Гусаром», — сказал Владимир Дмитриевич, — в самую точку.

— А почему «Гусар»? — спросил я.

— Гм-м... — улыбнулся Владимир Дмитриевич. — Да потому что гусары... короче говоря, только гусар может пройти по Лене без мотора под парусом и... с такой командой! — И Владимир Дмитриевич посмотрел на меня.

— А вы кто? Адмирал? — спросил я.

— Я не адмирал, а штурман. И с закрытыми глазами без карты могу провести «Гусара» по Лене.

Это правда. Владимир Дмитриевич всю войну был штурманом и бомбил немцев в Норвегии. А после войны ходил по Лене, знает каждую протоку, каждый остров.

— Ну хорошо, — сказал я. — Пусть будет «Гусар»!

Первая ночь

Когда краска на «Гусаре» высохла, нам помогли погрузить его на грузовую машину, отвезти к речной протоке и спустить на воду. Мы поставили мачту, уложили мешки с сетями по бортам, оттолкнулись от берега и... сели на вёсла!

Провожал нас шкипер Королёв:

— Ну, попутного ветра!

Только к вечеру мы вышли на Лену и поставили паруса. Сначала, как всегда, ничего не ладилось. Владимир Дмитриевич сидел на руле и держал в руке конец — верёвку от фок-паруса, а я держал конец от кливера.

Налетает шквал — неожиданный ветер, Владимир Дмитриевич кричит: «Майнай!» Я отпускаю конец, и кливер хлопает по ветру.

Налетает попутный ветер, Владимир Дмитриевич кричит: «Вирай!» Я натягиваю свой конец, парус «берёт ветер», и «Гусар» мчится вперёд, только волна журчит под носом.

Ночью нас «прихватил шторм». Мы спустили паруса и отдали якорь. Грунт был плохой, скользкий, якорь не цеплялся за дно, и лодку нашу вынесло на фарватер, где ходят большие пароходы. Ветер с дождём, и в темноте пароходы рыкают как львы, а фонарь мы никак не найдём. Нужно бортовой огонь зажечь, чтобы нас на пароходе видели и не потопили. Надели спасательные жилеты на всякий случай — они без рукавов, резиновые и сбоку трубочка; возьмёшь её в рот, воздух надуешь, пробочкой заткнёшь и знаешь, что если лодка перевернётся, не утонешь. Жилет — оранжевый, чтоб издали был виден на воде.

Утром ветер стих, солнышко выглянуло — кончилась первая ночь! Обсушились, поставили паруса и побежали. Ветер не попутный, а сбоку дует, но плыть можно.

Острова проходим. Издалека кажется, что на островах белый ковыль растёт, гнётся под ветром. Это ива, а белая она потому, что весной в ледоход льдины кору с деревьев содрали и наклонили их в одну сторону. И ещё «пьяный лес» — деревья в разные стороны растут. Это — вечная мерзлота. Земля оттаивает, сдвигается, и деревья сдвигаются,

некоторые над водой наклонились, вот-вот вместе с куском берега упадут.

В Якутске из-за вечной мерзлоты дома́ строят на сваях, и всё равно трещины появляются в стенах. Или печка вдруг треснет — надо глиной замазывать.

Чайки над нами кружат, на воде ни одна не сидит — это к хорошей погоде. А если даже солнышко светит и ветра совсем нет, а чайки на берегу сидят — плохо, жди шторма!

Чайка бродит по песку,
Рыбаку сулит тоску.

Ну, сейчас чайки летают — значит, всё в порядке!

Зачем?

Экспедиция наша не простая — мы не взяли никакой еды, кроме соли, чая и сахара. Мы будем есть то, что сами добудем в реке и в тайге. У нас есть рыбачьи сети, удочки и одно ружьё.

В Якутске нам говорили:

— Да вы что, с ума сошли? Зачем вы плывёте без мотора и без еды? Зачем рискуете?

А мы молчали и только подмигивали друг другу — мы-то знали зачем.

Затем, что хотели испытать себя. Ведь ходили сто — сто пятьдесят лет назад по Лене под парусом? Ходили.

Затем, что только беспомощный человек не прокормит себя в тайге, на реке.

Затем, что мы не просто так плывём, а изучаем рыб, зверей, птиц — а их только распугаешь мотором. На пароходе всё мимо проплывает, а мы, как увидим пещеру на берегу, —

причаливаем, осматриваем её. В тайге изба стоит — к ней подгребаем. Кто там живёт? Охотник? Рыбак? Знакомимся.

И ещё мы внимательно изучаем берег — не было ли на этом месте стоянки первобытных людей.

Такую стоянку найти около пещеры или на берегу таёжной речки — целый клад!

Жили доисторические люди у речки, ловили рыбу, на кострах пекли и ели, а кости и чешую выбрасывали, и за сотни лет целые пласты набирались таких костей вперемежку с золой и углями. У разных рыб кости разные — я однажды откопал в земле на берегу таёжной речки, которая в Лену впадает, рыбью косточку. Маленькая косточка и коричневая — потемнела от времени, тысячи лет лежала в земле. Принёс косточку Владимиру Дмитриевичу, у него даже руки затряслись от волнения, он скорей очки надел:

— Ого! Лещ! Жаберная крышка леща! Где нашёл?

Пошли по берегу, стали дальше копать, а там чешуя от леща, крупная — с копейку. Когда стемнело, Владимир Дмитриевич завернул чешую в бумажку, а кость в спичечную коробку положил, чтобы не потерять.

Разожгли костёр, чешую под лупой разглядели, на ней годовые кольца видны, как на древесном пне, — узкие тёмные и широкие светлые.

Узкое кольцо — зимнее, зимой рыба замирает, почти не растёт. Широкое кольцо — летнее. Летом рыба в реке гуляет, отъедается.

Насчитали пять тёмных колец — пять лет было этому лещу, когда его древние люди поймали.

Измерили жаберную косточку — крупный был лещ, с полметра. Одной косточки хватит, чтобы размер узнать. Потом посчитали — получилось, что лещ этот очень быстро рос, намного быстрее, чем сейчас растут лещи. И вот теперь

нужно узнать, чего нашим лещам не хватает, чтобы они такие же большие были. Может, теплее было, и рыба лучше росла.

А может, лес по берегам этой речки вырубил, вода берег размывает, река мелеет, заиливается, и рыбе негде метать икру.

А пока поплывём дальше... Скажу только, что ещё мы нашли бусины из позвонков рыб. И две иголки из рыбьих рёбер, — ушки просверлены другой косточкой, крепче. Чешуи много, её в пакет осторожно сложили вместе с землёй и корешками трав. На пакете написали, где и когда нашли, на какой глубине, и место это отметили на карте.

В Москву вернёмся, разберём. Каждую чешуйку кисточкой легонько почистим — и под стёклышко. Под лупой сразу чешуйка оживёт, заговорит: чья она — тайменя огромного или карася. Если карася — сколько лет жил карась, какой он был величины и сколько в весе прибавлял каждый год.

Алдан

Неделю мы плыли хорошо, штормов не было, только внимательно смотрели вперёд, чтобы не сесть на мель. Где мель, там толчея из волн. Да ещё не наскочить на топляк — затонувшее дерево; такое дерево может борт пробить или опрокинуть нашу шлюпку.

Через неделю мы подошли к устью Алдана. Ночью перед устьем Алдана мы выбрали хорошее место для ночёвки: спокойная бухта и сухих дров много для костра. Каждый вечер из леса выходила огромная оранжевая луна. Владимир Дмитриевич всегда приветствовал её:

— Здравствуй, старушка! Скоро ты умрёшь, молодая народится, — тогда она нам даст, начнутся шторма!

И вот перед устьем Алдана ночью родился молодой месяц — тонкая скобочка, и утром на севере показались белки — белые снега на отрогах Верхоянского хребта. За ночь уха в котле превратилась в заливное, а в чайнике лежала жёлтая льдинка вместо чая.

В устье Алдана северный ветер дует прямо в нос «Гусару», мы идём галсами — сначала с правого берега на левый, потом разворот, и с левого на правый берег навстречу ветру. Самое опасное при встречном штормовом ветре — разворот. Чуть зазеваешься — опрокинет.

Шторм семь баллов, волны высокие, крутые; когда шлюпка ныряет между ними, берега не видно. Пароходов тоже не видно — отстаиваются от шторма в бухточках и протоках.

И вдруг волны почернели. Чёрные, совсем чёрные!

Это Алдан. Он течёт в каменистых берегах. Вода его чистая, прозрачная, а чёрная оттого, что дна не видно: сколько ни смотри вниз — темно.

Ленская вода пески размывает и несёт, оттого и желта. Лена течёт по левому берегу, Алдан — по правому.

Десятки километров несутся воды двух рек и не смеши-

ваются, граница чёрной воды и жёлтой как ножом отрезана. Ленская вода холодна, алданская — ледяная.

Тут не зевай, верховой ветер сверху, с горных вершин, упал — мачта потрескивает.

— По курсу судно! — кричит Владимир Дмитриевич.

Идёт навстречу самоходная баржа. Свернуть нам некуда — ветер-то встречный.

Однако здорово эту баржу на волне кидает! Баржа подходит ближе, даёт приветственный гудок и сворачивает в сторону, уступает нам дорогу. Из шкиперской рубки все на палубу выскочили, друг другу бинокль передают — нас разглядывают.

Шкипер снял фуражку и — низайший поклон парусному флоту в лице «Гусара»!

Василий Фёдорович

Ни одной чайки не видно — значит, надолго заштормило. Чайки сейчас на песчаных косах да на островах сидят. Острова издали дымятся — это ветер песок с них рвёт и кру-

тит. За мысом, на берегу, стоит изба бакенщика — мы её мимо прошли: пристать негде, берег крутой — шлюпку будет бить о камни волной.

Выскочили две собаки — чёрная молча стоит, смотрит на парус, вторая собака, пушистая, мечется у воды, лает.

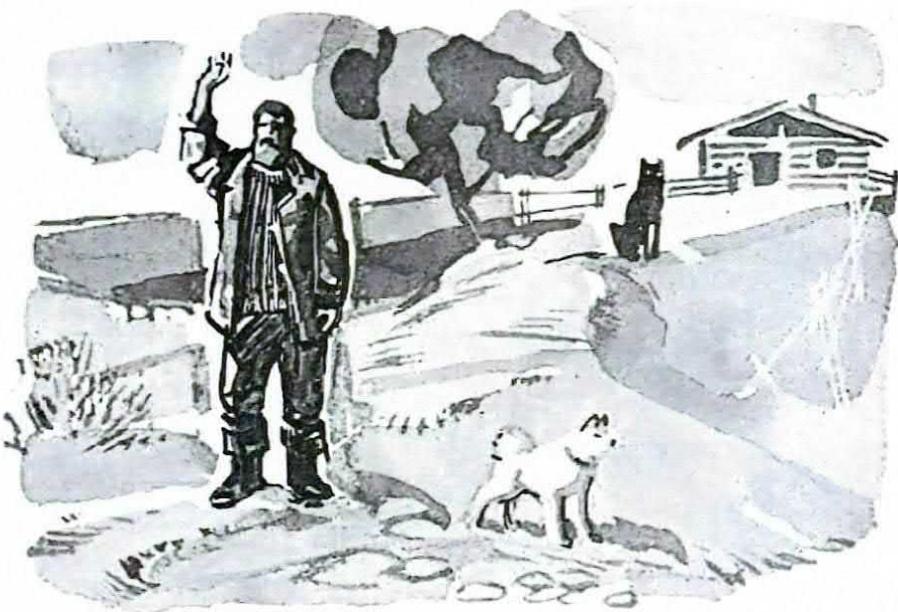
Поставили шлюпку в бухточку, якорь занесли подальше на берег, зацепили за куст.

Хозяин услышал — собака лает, — вышел на крыльцо, ждёт нас:

— Как же я не слышал, как вы подошли?

Мы ему сказали, что без мотора. Удивился, но ни о чём не спрашивает. На стол поставил миску жареной сороги — плотвы, хлеба нарезал, чай заварил.

В Сибири обычай такой: накорми гостей и ничего не

спрашивай. Когда поедят да покурят, захотят — сами расскажут.

Бакенщика зовут Василий Фёдорович. Коренастый, борода огромная и руки сильные — мышцы узлами.

Летом рыбу ловит, бакены проверяет, глубину меряет на фарватере, а зимой охотится на горностаев, белок, колонков. Медвежью берлогу найдёт — молодую ёлку срубит. И ёлочкой, ёлочкой в берлогу тычет, будит медведя. Медведь как выскочит из берлоги — Василий Фёдорович прямо в сердце стреляет! Я его спросил:

— А волков тут много?

Василий Фёдорович засмеялся:

— Да я волка и без ружья не отпущу. Не отпущу!

И ручищами показал, как он его задушит. Я ему верю. Запросто задушит.

Ветер ещё не стих, а в окно видно, как чайка села на волну. Значит, скоро шторму конец:

Чайка села на воду —
Жди хорошую погоду.

Стали мы прощаться с Василием Фёдоровичем, он нас не пускает:

— Что ж вы мало хлеба-то взяли, у охотников и рыбаков закон — делиться!

Около лодки собаки нас встретили. Пушистая лает, а чёрная близко не подходит, издали на нас смотрит и молчит.

Василий Фёдорович на пушистую закричал. Она ласкаться стала, он её всё равно прогнал. На чёрную издали пальцем показал и шёпотом мне говорит, чтобы чёрная не услышала:

— Эта умная! Я с ней на медведя хожу. Не подведёт!

Стоянка первобытных людей

Шлюпку мы поставили у размытого берега.

Тысячи лет назад древние люди выбрали это место для своей стоянки.

На берегу мы нашли черепки посуды и каменные наконечники для стрел.

А вот грузило для сети. Оно сделано из обкатанной гальки, по бокам выбиты луночки, чтобы удобнее было привязывать грузило к сетке. Похоже грузило на цифру «8».

Вот крючок костяной, он вырезан из лосиного рога.

Мы подумали, что недаром это место выбрали древние рыболовы. Устье речушки легко перегородить изгородями из ивовых прутьев. В изгороди рыболовы оставляли проходы — калиточки для рыб. А в калиточках ставили верши или сети. Рыболовы распаривали ивовую кору в кипящей воде, а из её волокон скручивали нитки и плели сети. Да разве такую сеть найдёшь! Камням почти ничего не сделается. А сети, даже самые прочные, давным-давно истлели.

Мы откопали глиняный черепок с ушками — от кувшинчиков-дымокуров. Такие кувшинчики древние люди носили за спиной. А ушки у кувшинчика были для того, чтобы продеть в них верёвочку. На этой верёвочке и висел кувшинчик за спиной. В кувшинчике тлела сырая берёста. Дым отгонял мошку и комаров.

Около стоянки мы искали «писаницы» — писанные камни, да так и не нашли. Потому что стоянка эта рыболовов, а не охотников.

Около деревни Тойон-Арыы древние охотники нарисовали на скале трёх лосей. Два убегают, а третий лось пронзён копьём. Он смертельно ранен.

Древний художник верил, что если он убьёт лося на рисунке, то наверняка убьёт его и в тайге.

Сардоны

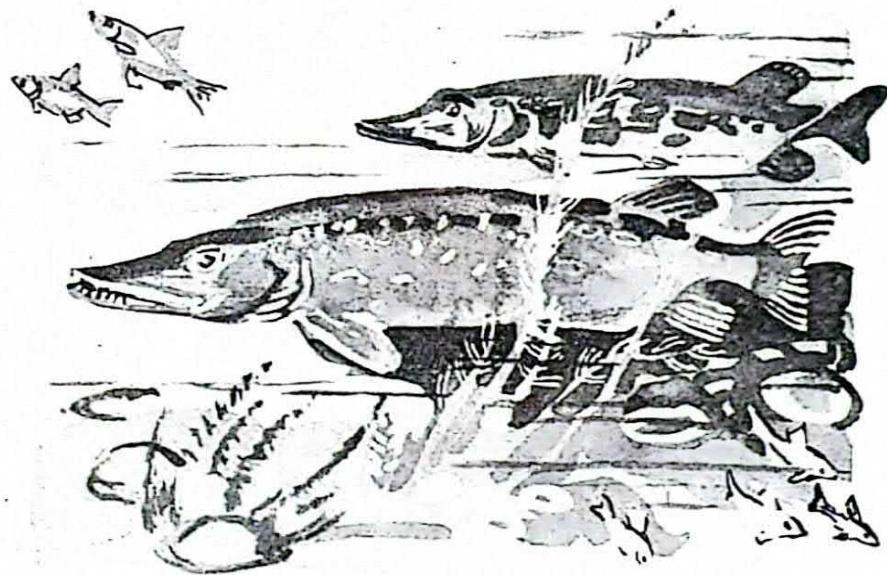
Весной бежит из тайги ручей, берег размывает — вот и бухточка для «Гусара».

Под шлюпку заплывает щурёнок и там притаивается. Другие рыбёшки подплывут, он на них кидается и заглатывает. Вот какой хищный!

Щуки очень жадны.

Однажды большая щука блесну схватила, я её поскорее выуживаю. Вот голова над водой показалась... Вдруг щука быстро-быстро как затрясёт головой, и блесна вылетела из щучьей пасти. Снова спиннинг забросил, и эта же щука опять схватила. На этот раз попалась в уху, жадность её погубила.

Когда достаёшь блесну из щучьей пасти, щука как бульдог норовит тебе в руку вцепиться, палец прокусить. А пасть щучья вроде капкана — внутри вся заросла мелкими острыми зубами и все зубы назад остриём повернуты, к глотке, чтоб ни одна рыба не вырвалась.

Иной раз запутается щука в сеть и, пока сидит в ней, всю рыбу пожрёт, а остальную распугает. Утром выбираешь сеть из воды, а там одна щука, из пасти у неё торчит рыбий хвост. Вытащишь рыбину за хвост и в ухо. Закидушку на ночь поставишь (закидушка — шнур, на конце крючок с червяком или живой рыбиной-наживкой), к утру вся рыбина-наживка щукой изжёвана; хорошо ещё, что крючок и леска целы.

Как-то стояли мы станом с якутами-рыбаками. Слышу, они между собой говорят:

— Сардоны сегодня отдыхают!

— Сардоны собрались в протоке!

Я у рыбаков спрашиваю:

— Что это за племя такое — сардоны?

Рыбаки смеются. Оказывается, сардоны — это щуки. По-якутски щука — сардон.

— Когда кончается полнолуние, сардон перестаёт брать! У него зубы меняются.

Это так рыбаки думают, что у сардона зубы меняются. На самом деле начинаются штормы, и сардоны не хватают блесну, не берут. Они уходят с реки и отсиживаются в речных протоках, ждут тихой погоды. А зубы сардоны меняют весной.

Маленькие щурята-сардончики растут на мелководье, в протоках и старицах — озерах, которые остались от половодья. Осенью сардончики на пузе ползут по мелкому месту в Лену. Вороны прилетают из тайги, ходят по колена в воде и клюют сардончиков. А щурята-сардончики всё ползут и ползут. Они знают, что маленькая проточка зимой промёрзнет до дна и нужно спастись — ползти в Лену.

Сардоны нас кормили. Я нарочно каждое утро спрашивал Владимира Дмитриевича:

— Какие блюда у нас сегодня на завтрак?

— На первое уха из сардонов, на второе сардон из ухи!

Иногда Владимир Дмитриевич меня спросит:

— Что у нас на ужин?

И я отвечаю:

— На первое уха из сардонов, на второе сардон в ухе, а на третье... сардон запечённый!

Запечённого сардона я всегда сам готовлю. Чешую сардона не счищаю и не потрошу его, а только натираю солью и завёртываю в плотную бумагу. Завязываю верёвочками, чтобы не развернулась бумага и ни одной дырочки не было.

Когда костёр на песке прогорит, полешки и угли в сторону отодвину и в раскалённый песок закапываю сардона, а сверху разжигаю новый костёр и жду. Минут двадцать пройдёт — и... готово!

Заливаю костёр и вытаскиваю бумажный свёрток, немножко обгорелый. Ножом по бумаге полоснёшь — струя вкусного пара прямо в нос бьёт.

Шкура с чешуёй сама отходит, а мы едим вилками нежное мясо сардона, испечённого в собственном соку!

„Заблудшая собака“

Острова на Лене вытянуты вдоль течения. Плывёшь мимо острова и думаешь, что это берег. Остров кончается, и берег за ним еле виден.

Лоси переплывают Лену и спасаются на островах от мошки и комаров. На острове ветер мошку сдувает. За лосями на острова плывут медведи. И ещё медведи переплывают на острова за ягодами: за кислицей — дикой смородиной. Волки и лисы живут на островах, охотятся на зайцев. Бывает, весь остров истоптан звериными лапами.

Мы подплывали к Белой горе.

Белой стеной стояла она впереди за поворотом Лены, но добраться до неё мы никак не могли — встречный ветер нас отбрасывал назад. Владимир Дмитриевич всё время повторял:

— Как дойдём до Белой горы, там и отдохнём в Хахловском зимовье.

Мы решили переждать непогоду на большом острове.

Посередине острова — озеро и долина. Вся она заросла хвощами. Вокруг долины тайга, и поэтому место тихое, безветренное.

На песке — лисьи следы. Это на ночь дикие утки прилетают на озеро, и лисы охотятся за ними.

Палатку мы поставили так, чтобы вход на Лену смотрел: чтобы шлюпку было видно. Проснёшься ночью, посмотришь — шлюпка на месте. А то унесёт её на середину реки, тогда плохо: фарватер отсюда далеко, с парохода нас не увидят.

Дождь стал накрапывать, костёр погас. Владимир Дмитриевич положил носки себе на грудь, чтобы они за ночь высохли, и уснул.

Я никак не мог уснуть, лежал в спальном мешке, смотрел на реку. Закат горит над тайгой. Всё розовое. И волны на реке, и деревья в тайге, и шлюпка наша розовая...

Вдруг вижу: по берегу бежит собака. Остановилась около шлюпки, обнюхивает её.

Наверно, заблудшая, отстала от охотника.

Странная собака, да и откуда? Хвост у неё поленом поджат. Потихоньку высунулся из палатки и как залаю... И тут эта собака ка-а-к бросится бежать по берегу — прямо в тайгу.

— Волк!

Владимир Дмитриевич проснулся, схватил ружьё (оно у нас на ночь всегда заряжено и лежит под рукой).

— Где, где волк?

А волка и след простыл...

— Эх ты, растяпа, собаку от волка не мог отличить!

Да как отличишь, когда всё розовое. Волк из серого стал розовым.

Волк набрёл на нас, потому что ветер дул от него, вот он и не учуял нас по запаху.

На рассвете посмотрел я на Верхоянские хребты. Они синие, как будто посинели от холода. Вспомнил розового волка. Зимой, в полярную ночь, когда на Лене от страшного мороза лёд стреляет, а в чёрном небе «шепчутся» звёзды, волк этот голодный бежит, бежит по тайге, ищет под снегом рябчика... И совсем мне не жалко, что не убил я его.

Остров серебристых чаек

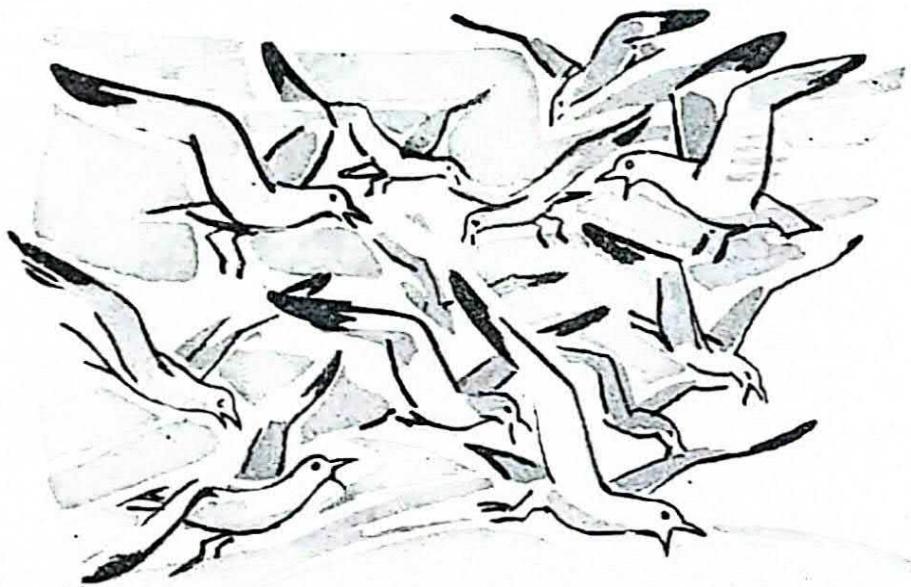
Три дня мы добирались до Белой горы. Однажды ночью нас выбросило на песчаную косу. Палатку занесло песком. И в ботинках песок, и в волосах песок, и в ушах песок, и песок скрипит на зубах. Кроме песка, ничего не скрипит. Потому что в шторм рыба не ловится и есть нам нечего.

Ночью ветер посвежел, и косу стало заливать ледяной водой. Мы поставили штормовой парус и пошли против ветра.

Нам повезло. К рассвету ткнулись в крошечный островок. Течением его скоро размочит. Куски берега с грохотом обваливаются вместе с ивами в реку.

С подветренной стороны поставили шлюпку, разожгли костёр на песке и до рассвета стояли у огня, сушились, протягивали окоченевшие пальцы в огонь.

Островок этот шагов двести в длину и двадцать в ширину, зато настоящий, необитаемый.

На нём только мы да чайки. Чайки не простые, а серебристые. Они так и называются — «Чайка серебристая». Они тут гнездятся, выводят птенцов. Как птенцы подрастут и встанут на крыло, серебристые чайки улетят на север, к Ледовитому океану.

Серебристые чайчата сидят на обрыве, над самой водой. Только они совсем не серебристые, а серые. Их не сразу и заметишь среди комьев земли. Земля серая, и они серые. Каждый чайчонок покрыт серым пухом.

Чайчата сначала боялись меня. Прижмутся к земле, думают, что я их не вижу. А потом ветер стих, и рыба стала ловиться. Я им приносил рыбы головы. Один птенец, самый большой, как меня увидит, бежит, ковыляет навстречу. А поменьше отбегал в сторону и прятался в щель под берегом. Пока их кормишь, взрослые чайки с ума сходят. С криком

надо мной носятся, бросаются сверху, вот-вот заденут крылом.

На птичьих базарах они так же песца встречают, который гнёзда грабит. И меня они, наверно, за песца приняли. Им разве объяснишь, что я их птенцов есть не собираюсь.

Когда подул южный ветер, мы подняли парус и пошли к Белой горе. Серебристые чайки с криком носились над нами в синем небе.

Островок давно уже скрылся за горизонтом, а чайки за нами летят и летят. До тех пор летели, пока я не закричал: «Да отстаньте!» И они отстали.

Под Белой горой встретил нас белый сокол-сапсан. Сложив крылья, упал он сверху на парус, взмыл в небо и с криком улетел в зелёные кедры на вершине горы охранять гнездо.

Я подумал: успеть бы серебристым чайчатам подрасти и улететь к берегам океана, пока не размыло островок.

Белая гора

Никто нас не встретил на Белой горе. Избушка была пустая. Дверь открыта — значит, хозяин ушёл навсегда. Когда уходят в тайгу или на рыбалку, дверь снаружи подпирают палочкой.

В углу избышки стоит печка, и рядом аккуратно сложенные полешки дров. Кто уходит последний из избышки, тот должен приготовить сухие дрова. Зайдёт в избышку охотник, разожжёт огонь в печке, обогреется, поест, отдохнёт — и снова в путь; а перед тем, как уйти, обязательно наколет дров и оставит немного еды.

На столе в железной банке шесть кусков сахара, пачка

соли и чай завёрнут в бумажке. Когда мы будем уходить, тоже оставим что-нибудь на столе.

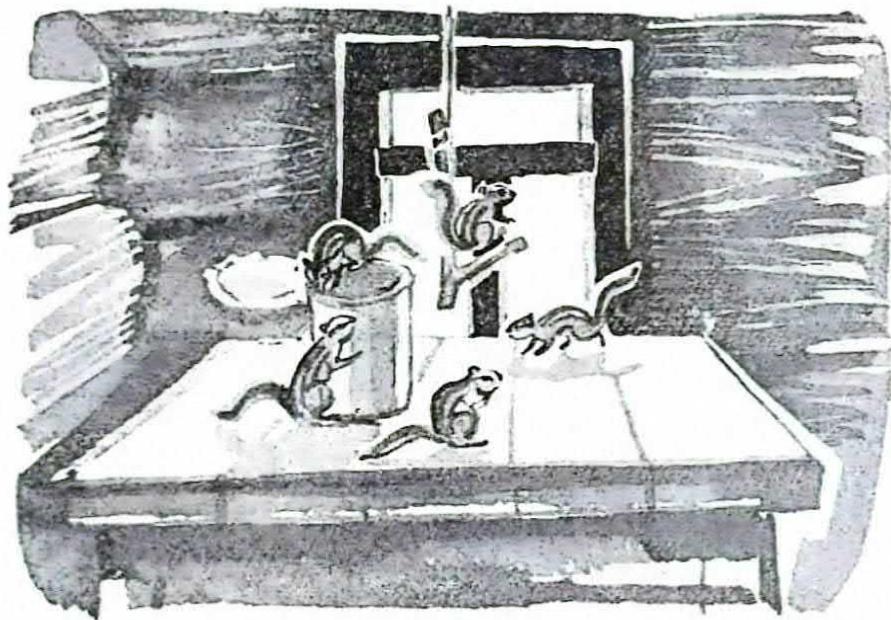
Видно, давно ушёл Хахлов: вокруг избушки разрослась дикая малина, а в самой избушке поселились бурундуки. Когда мы вошли, они сидели на столе вокруг железной банки с сахаром. Бурундуки с визгом разбежались и до вечера недовольно шуршали на земляной крыше, выглядывали из щелей...

Над избушкой стеной нависли белые скалы. Лежишь на нарах, и в открытую дверь видно, как над заливом кружит белохвостый орлан, высматривает осетров на песчаных отмелях.

— Я бы здесь навсегда остался!

— Посмотрим, — говорит Владимир Дмитриевич, — посмотрим!

Я знаю, что мы здесь не останемся, но каждый раз, ког-

да мы видим хорошую бухту или находим рыбную протоку, и вокруг тайга с грибами, чёрной смородиной, и свежие следы медведя на твоих глазах заливают болотной водой, нам хочется срубить свою избушку и жить вольно.

Три дня мы жили под Белой горой. С утра я брал лопату и уходил далеко вдоль берега копать земляных червей под ивами. Сколько накопишь червей, столько и осетров попадётся на закидушки в заливе. За избушкой, в ущелье, по каменным плитам, как по ступеням, я взбирался на Белую гору. Сверху шлюпка наша у берега казалась белым пятнышком, другой берег чёрной полосой виден на горизонте.

Весной по каменным плитам гремят водопады, и ручей бежит у самой избушки. Сейчас плиты сухие. На камнях лежат ягоды шиповника.

На Белой горе живут медведи, и бурундуки боятся бегать далеко наверх за кедровыми орешками. Бурундуки собирают шиповник и прячут на зиму в норах под избушкой. Утром, как пригреет солнышко, они бегут друг за другом по каменным ступеням, играют, кубарем скатываются вниз, а самый храбрый бурундук забирается выше всех и сидит на самой верхней ступеньке. Сложит лапки на груди и замирает, вслушивается. Треснет ветка — храбрец кувырком катится вниз и визжит, визжит, как несмазанная дверь. За ним все бурундуки скатываются вниз — и скорее в покинутую избушку Хахлова.

— Владимир Дмитриевич, где Хахлов?

— Найдём, от Лены никуда не уйдёт. Наверно, ниже, в новом месте, срубил избу. Обязательно найдём его!

Когда мы уходили из хахловской избушки, мы нарубили дров, подмели земляной пол, оставили пять крючков с лесками, а для бурундуков на столе открыли железную банку с сахаром — пускай устроят пир в честь нашего отъезда.

Когда подняли парус, на лиственнице закричал бурундук,

и другие бурундуки на избушке завизжали в ответ. Они сидели и смотрели, как мы отплываем.

«Отплывают!» — закричал бурундук на лиственнице.

«Уезжают, уезжают, уезжают!» — радостно завизжали бурундуки на крыше.

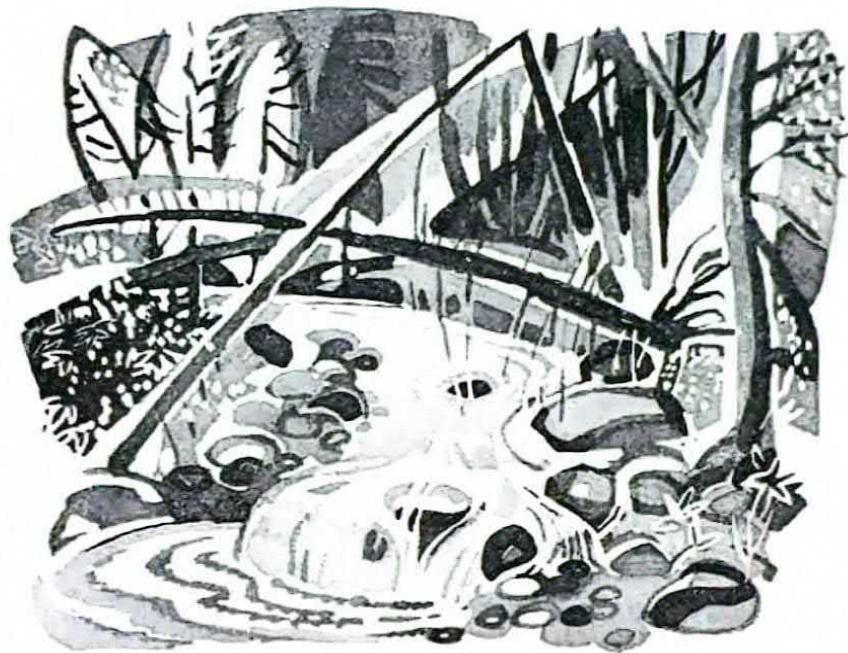
И наверно, сразу расселись на столе вокруг банки и стали грызть сахар.

Таёжный ручей

Тысячи островов на Лене больших и малых, и между ними протоки и проточки. Все острова разные. Один остров издали манит тебя песчаными косами и белыми берёзками среди чёрных елей. К другому острову и подходить не хочется. Размывает его водой, огромные ели упали в воду верхушками, а вывороченные корни цепляются за берег. И протоки бывают злые, когда не знаем, где поставить нашу шлюпку, нет ни одной бухточки, и берег — песок зыбкий, нога тонет. А бывают протоки тихие, смородина свесила над водой ягоды и над протокой летают белые полярные крачки.

Солнце уже скрылось, надо засветло найти место для ночёвки, а хочется плыть дальше, там за поворотом ещё лучше, а за тем поворотом наверняка поймает большого тайменя.

Однажды за день не могли мы найти тихое место для стоянки, вечером ветер посвежел, и ночью мы шли в шторм вдоль берега. Шлюпка руля не слушается, а впереди гул, слышно, как вода бьёт об огромную поваленную в реку ель. Лодку несёт, вот-вот ударит, перевернёт. Шум ближе, ближе, слышно, как вода гремит между сучьями, перехлёстывает через ель. Я прыгнул на берег, зацепил якорь за камень, и лодка остановилась. Всю ночь лил дождь. Мы сидели в лодке мокрые рядом с ревушей водой и ругали поваленную ель.

Рассвело — и нет ели, никакой ели нет. Это ручей с крутого берега падает водопадом в реку. Ругаем ручей, не нашли из-за него хорошей стоянки и всю ночь мёрзли мокрые в лодке. Солнце взошло. Пошёл я вверх по ручью в тайгу и с каждым шагом всё меньше и меньше злился на ручей. Петляет он между елями, на дне камни разноцветные, кулички-перевозчики с криком летают с одного берега на другой. Чёрной смородины наелся и ещё целую шапку набрал Владимиру Дмитриевичу.

Смородина самая спелая, гроздь ягод на кустах медведем обсосаны, а медведь кислую ягоду не станет есть. И видел старого лесного ворона; он сидел на ели и на меня сверху поглядывал, совсем не боялся. Прилетел второй ворон, каркнул, и они улетели вдвоём. Это были ворон с ворони-

хой. Когда солнце пригрело, совсем забыл про холодную ночь, а только думал: «Если бы не старая ель, не увидел бы я этого ручья, наверняка бы мимо проплыли и воронов не увидел».

Лесные воришки

Мы прошли устье Вилюя. Если не знаешь, что в этом месте Вилюй впадает в Лену, проплывёшь мимо. Вилюйское устье скрыто островами, и только ниже устья пошли песчаные косы и мели. Вилюй размывает и несёт песок в Лену. На каждом островке, самом малом, — песчаный пляж. На одном островке весь пляж рябой от звериных и птичьих следов и следочков. И лисьи следы, и заяц пробежал, и горностаи, а вот кулички, и чайки, и трясогузки крестики на песке оставили. Вот бурундук из тайги прибежал на пляж водички напиться.

Ворона ходила, чиркала хвостом.

От волчьих когтей остались три ямки, остальные две ветром, наверно, замело.

А вот какая-то птица затормозила и сразу взлетела. За кем-нибудь погналась и схватила. Какая птица, так и не узнал. Наверно, чайка схватила мышь.

Вот рябчика следы, как еловые лапки.

Рябчик приходил на пляж поклевать маленькие камушки и большие песчинки. Без камушков рябчик жить не может. Камушки в рябчином зобу хвою и ягоды перетирают, как жернова.

Этот чей след? Просто бороздка на песке, как будто верёвочку тянули. Червяк к воде полз напиться? Долго я гадал — что за зверь? Ну конечно, хвостик мышиный волочил, а ямки от лапок засыпало песком.

Один след я так и не разгадал: просто начиркано, как буд-

то концом крыльев, а от лапок следов нет. Не могла же птица без лапок ходить, на крыльях. Да и некогда разбирать: попался на закидушку большой жирный язь, я его вытащил, положил на травку и поскорее пошёл к нашей палатке. Думаю: «Скоро стемнеет, а завтра ещё поймаю, и будет уха».

Владимир Дмитриевич спрашивает:

— Рыбу принёс?

— На берегу оставил!

— Что ты! Скорей беги, неси и прячь под мешок, а то быстро украдут!

— Да кто же здесь украдёт? Кроме нас, тут на сотни вёрст ни души.

Владимир Дмитриевич засмеялся:

— Да не люди! Тут свои воришки — лесные: на рассвете сарыч прилетит, ворона будет по берегу разгуливать. Норка с лисой ждать не будут. Тут их много, лесных воришек. Только и ждут, когда мы уснём.

Я скорей побежал за рыбой. Искал язя, искал — пропал язь, украли!

Со злости я ёлкам погрозил кулаком: там они, лесные воришки, и притаились, небось из кустов за мной подглядывают. Такого язя украли!..

Хахлов

Мы всё время искали Хахлова. Увидим дымок впереди, подплывём, спросим:

— Хахлова не видели?

— Хахлов, однако, в дельте рыбу ловит!

Катер стоит у берега, называется «Стерх» — «Белый журавль». Мы подплываем, спрашиваем, где Хахлов.

— Хахлов, однако, в Кипчанах, на звероферме песцов кормит!

Но вот наконец узнали, где Хахлов. Он в посёлке Тас-Тумус, работает пожарником, у него пожарная лошадь и бочка для воды.

Когда подошли к Тас-Тумусу, спросили:

— Хахлов здесь?

— Здесь, здесь!

Вечером мы сидели у костра, и Хахлов рассказывал, как жил он в своей избушке под Белой горой:

— У меня три собаки было. Ночью как взревет, взлают, я двух сразу спускаю с цепи. Они на гору мчатся, обложат медведя. А третья большая собака, настоящая. Я за кушак поводок привяжу, она меня мигом затащит на гору. Как раз подоспеет, когда те собаки выдохнутся; тут я отвяжу настоящую, в медведя прицельюсь и... крышка!

— Зачем с Белой горы ушёл?

— Никогда не ушёл бы, да рука отнялась. В правой руке у меня ещё с войны осколок сидит. На воде да на холоде ноет, болит рука. Вот и пришлось перебраться в посёлок.

Мы лежали на песке, ели уху из тайменя. Хахлов рассказывал свою жизнь: сколько тайги исходил, сколько намыл золота. Рассказывал, как искал с геологами алмазы на Вилюе. Нашли в голубой глине первый алмаз и послали телеграмму: «Пал один олень» — значит, нашли один алмаз, первый. Потом: «Пало три оленя» — нашли три алмаза. «Пало семь оленей» — семь алмазов, и когда «Пали все олени» — нашли много алмазов, целое месторождение. Сейчас на этом месте Мирный. Рассказывал, как замерзал в тайге и пришлось ему съесть трёх собак; как весной тонул в полынье...

— И всё равно нигде я жить не могу, только в Якутии. Пробовал, всё равно не могу...

Вокруг костра сидели собаки и, насторожив уши, слушали Хахлова — они-то наверняка знали, что самое лучшее место на земле — Якутия.

Добрый мишка

Хорошо, что идём мы без мотора, бесшумно — под парусом да на вёслах. Зверей не пугаем. Видим, как на отмелях полярные крачки кормят своих птенцов. Покормят — и снова над рекой. Хвост у крачки вилкой, крылья узкие, с изломом. Крыльями машет легко, как будто пляшет над волнами; вдруг крылья сложит и выхватит из воды рыбёшку.

Остров Медвежий. Большой остров. Чёрные ели стоят у самой воды. Медведей здесь много, потому что в этом месте лосиная переправа. С правого берега с Верхоянских хребтов выходят лоси на песчаную отмель и переплывают на левый берег. Медведи на острове поджидают лосей, когда они усталые выходят на берег.

Мы шли вдоль Медвежьего острова и, когда отступили от берега, увидели озеро. На берегу медведь ходит, мышкует. Загребёт лапой, мышиную нору выворотит, а мыши разбегутся. Очень медведь неуклюжий, не может мышь поймать лапой.

За медведем ходит лиса рыженькая. Когда медведь мышиную нору выворачивает, лиса в сторонке сидит, ждёт. Как мыши побегут, лиса кидается — успеваает схватить. Все мыши достаются лисе, а медведь голодный.

Лиса парус наш как увидела, метнулась в тайгу, а медведь схватился, когда мы уже на берег выскочили. Заметался, затоптался на месте, рывкнул и скорей за лисой в тайгу.

Лиса хитра, ходит за добрым мышкой и кормится.

Охотничья станция

Мы поставили шлюпку под высоким берегом. На обрыве собрались собаки, сидят и смотрят на нас молча. Охотничьи лайки на человека не лают, только на зверя. Эти лайки настоящие, промысловые — здесь промысловая охотничья станция, фактория. Поднялись на берег. Стоят три избы. Ребятишки нас увидели — и скорей в избу. Стучим в одну избу, в другую — не открывают. В третьей избе женщина за дверью спрашивает:

— Да кто вы, откуда пришли?

Мы ей объяснили. Всё равно не открывает, не верит:

— Однако мотора не слышно было на реке!

Наконец поверила, отворила дверь, чаю разогрела, хлеба дала. Сразу в нашу избу ребятишки набились, стали рассказывать, что все охотники ловят рыбу на реке Дианушке: «Как Лямнушку пройдёте, следующая будет речка Дианушка».

Три дня назад медведь на станцию пришёл. Собаки накинулись на медведя, и женщины его застрелили.

Старик медведь не может догнать лося в тайге, вот и пришёл к жилью, зубы у него от старости стёрты.

Дали нам по куску холодной медвежатины, — очень жёсткая. Хотел я медвежатину собакам отдать, вышел на крыль-

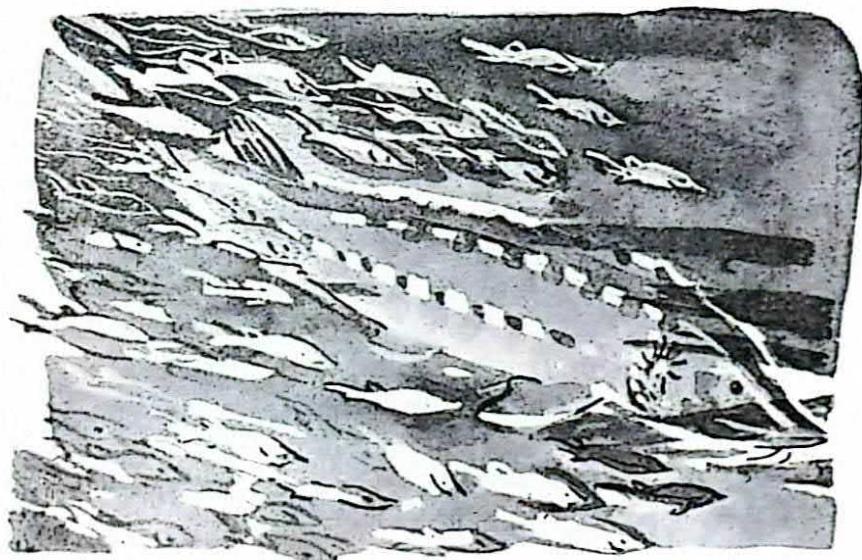
цо, а собак нет, только хвост собачий мелькнул под ёлкой. Вожак их увёл. Вожак — здоровая лайка, с широкой грудью; его все собаки слушаются. Он и медведя остановил, вцепился в него сзади; медведь сел, тут и остальные собаки подошли. Мы уплывём, вожак назад собак приведёт.

Когда уплывали, все ребятишки вышли на берег провожать нас, а потом, когда далеко уплыли, на берегу появились собаки, молча уселись на обрыве и смотрят нам вслед.

Дианушка

Вечером кричал дикий гусь, и, когда мы подходили к Дианушке, попалась жёлтая берёзка. Огоньком горела она среди чёрных ёлок.

Ночевали на острове. Весной в половодье остров зали-

вает водой. Песок и земля между ивами рябые, здесь гуляли волны. Стайка чечёток прилетела на остров, с писком уселась на ветках. Ночью бесшумно летала над ивами и кричала сова. После её крика жалобно верещала чечётка. Сова охотится на слух. Закричит и прислушается. Птички и мыши кидаются от её жуткого крика, шуршат, сова слышит и ловит.

Вот и сейчас встrepенулась от крика чечётка на ветке, сова её сразу схватила.

Утром мы вошли в устье речки Дианушки. Вода в речке холодная, прозрачная, — здесь ленские осетры мечут икру.

Таких осетров, как в Лене, ни в одной реке нет. Везде осетры «проходные»: живут и кормятся в море и только икру метать идут в реки, в пресную воду. Ленские осетры — «жилые»: они всю жизнь живут в Лене, а икру мечут в таёжных реках, которые впадают в Лену.

Когда мы были в Якутске, мы пошли в «Главрыбвод». Там несчастье, все молчаливые, расстроенные — плохое письмо получили. Ихтиолог Малютин вёз икру осетров на катере «Дельфин». Попали в сильный шторм в устье речки Натары. Пять дней ждали, когда ветер стихнет. Мальки в это время выключнулись из икринок. Пришлось их выпустить в Лену. Для икринок в ящиках с водой и льдом кислорода хватит, а мальки задохнутся. Малютин так расстроился, что письмо написал неровным почерком, не сразу и разобрали, о чём он пишет.

А когда разобрали, расстроились — икру хотели на самолёте перевезти в другие реки, где нет осетров. Только на будущий год в июне снова повезут осетровую икру. Хорошо бы штормов в это время не было!

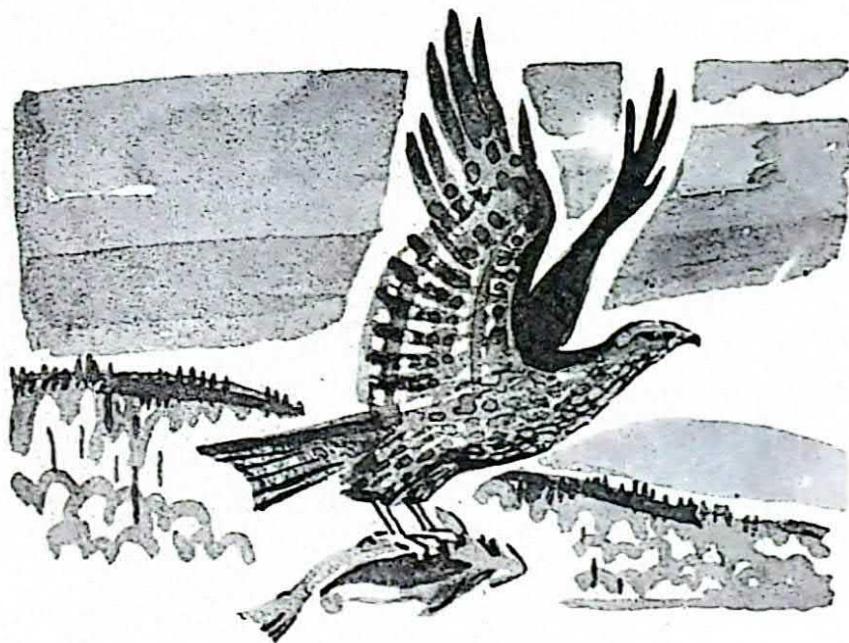
На Севере

Чем холоднее, тем нахальнее становились вороны. Они подходят к самой палатке, воруют рыбу на куканах.

Однажды утром мы вылезли из палатки, разожгли костёр, хотели умыться — мыла нет! Вороны и мыло склевали.

Поймали тайменя, распластали, посолили, и только я хотел его повесить на дерево вялить, подлетел коршун, вырвал рыбину и улетел в тайгу. Человека не знает, потому и не боится.

И когда берёзки опалило морозом и они совсем пожелтели, а кусты покраснели и ягоды шиповника стали мягкие, прилетел из тайги ворон. Он летел вдоль берега не спеша, повертел головой, осмотрелся, прокаркал и снова улетел в тайгу. Нас он совсем не боялся, этот ворон из тайги, где никогда не бывает человека.

Вечером в костёр мы положили каменный уголь. Горит он долго, жарко и без дыма.

Чем ближе к полярному кругу, тем толще пласты угля в крутых берегах. Много километров чернеет угольный пласт в вечной мерзлоте. Когда-то, очень давно, в Заполярье было тепло, и на бескрайних равнинах, заросших высокой травой, жили дикие лошади и стада антилоп-сайгаков. На них охотился тигролев. Кости и череп тигрольва с огромными клыками можно найти в вечной мерзлоте. В долинах рек бродили огромные носороги, намного больше тех, которые сейчас живут в Африке. Я видел череп такого носорога, его с трудом может поднять один человек. Стада мамонтов обламывали сучья с деревьев и перетирали их вместе с листвой своими зубами-тёрками. Мы нашли зуб мамонта в вечной мерзлоте. Он пролежал в земле тысячелетия и был похож на коричневый камень, и всё равно эмаль сохранилась, и через увеличительное стекло на зубе видны были кусочки дерева, которое мамонт жевал. Чем дальше на север, тем больше можно найти костей и бивней мамонтов.

В посёлке Жиганск летом ребята вместе с учителем нашли для школьного музея скелет мамонта.

На Новосибирских островах живут охотники на песцов. Летом, когда на песцов не охотятся, охотники запрягают собак в упряжку и едут вдоль морского берега. Морские волны размывают берег, из вечной мерзлоты торчат мамонтовы бивни. Охотник вырубает бивень топором, привязывает к нартам и везёт на промыслово-охотничью станцию в посёлок. Бывает, бивни весят по 100 килограммов.

Из одного бивня можно вырезать много красивых бус, брошек, рукояток для ножей и бильярдных шаров.

Пароход в тайге

Пароход стоит в тайге. Вокруг растут молодые ёлочки, колоски. Стайка синиц с писком лазает по штурманской рубке. Под кормой между лопастями винта куст шиповника.

Стёкол уже нет, кто-то утащил штурвальное колесо, кому-то понадобились железные листы обшивки, и пароход стоит мёртвый.

Год назад, а может, два, весной, когда Лена разлилась до горизонта, ночью капитан вышел на мостик и увидел огонёк. Капитан подумал, что это огонёк бакена, он показывает фарватер. Даже в бинокль не посмотрел, направил туда свой пароход.

А это был совсем не бакен, это охотники жгли костёр. И пароход сел на мель.

Летом, когда вода спала, пароход оказался далеко на бе-

регу, болото его засосало, никакими буксирами не стянешь в реку.

Посмотреть бы вовремя капитану в бинокль, и сейчас ходил бы по Лене этот пароход, возил охотников и рыбаков, осенью вставал на якорь и долго гудел, торопил бы ребят, которые плывут на нём в школу-интернат в посёлок.

Чтобы жить в тайге, нужно много знать и уметь. Охотнику нужно знать следы зверей и уметь разводить костёр, когда всё вокруг мокрое. Он должен узнавать по лаю, кого облаивает собака, и уметь ставить капканы, и бить соболя в глаз, а медведя — в сердце.

Если охотник этого не знает и не умеет, он погибнет в тайге.

Капитану надо знать реку и фарватер, какие ветры и течения бывают в разное время года и чего надо бояться, чтобы не погубить людей и пароход.

Капитан мёртвого парохода жив, но кому нужен такой плохой капитан?

Максим

— Максим, Максим, а ну, иди, иди ж!..

Это рыбаки зовут собаку Максима в лодку. Как мотор завели, Максим подальше убежал и спрятался за ёлку.

— Максуха, иди, говорят тебе!

Максуха подходит поджав хвост, прыгает в лодку и забивается в самый нос. Там вода плещется, лечь негде. Да Максухе и не надо ложиться. Он всю дорогу будет стоять. Глаза зажмурит, от бензинового дыма чихает, морду воротит, а вылезти ни за что не вылезет, потому что мотора боится, поглядывает на него с опаской.

Однажды Максуха лежал в лодке, смотрел на берег. Разомлел на солнышке, хвост вытянул и... тут же хвост мото-

ром закрутило! Пока хозяин хвост из мотора вытаскивал, Максуха все руки ему покусал и визжал на всю Лену.

С тех пор не заманишь Максима в лодку. Хозяин по реке плывёт, а Максим бежит по берегу. И сорок, и пятьдесят километров бежит по тайге, по горам, по оврагам, лишь бы не в лодке плыть вместе с мотором. Пусть лучше волк встретится или медведь, чем с таким страшным зверем плыть — мотором.

С трудом приучили Максима в лодке сидеть.

Максим — хитрая собака, таёжная. Нашли кладовку в тайге: в землю зарыты куски сахара, хлебные корки и рыбьи головы тухлые. Это кладовка Максима; он всё ворует и зарывает про запас, знает, что на ворон подумают — они украли!

Вечером к нашему костру пришли в гости собаки. Они ласкались, и руки лизали, и прыгали вокруг, и ни разу даже не поглядели на рыбу в котле и на хлеб. Вот какие вежливые собаки.

Ночью собаки свернулись калачиками, уткнули в пушистые хвосты носы и уснули вокруг костра. Зимой они, чтобы теплей было, зарываются в снег — носы в хвост, чтоб не отморозить, — спят.

В любой мороз им тепло.

Утром проснулись — собак нет, и хлеба нашего нет, и рыбы нет, весь котёл вылизали дочиста. А где же мешочек с чаем?

Вот он, валяется далеко от костра; хорошо, что собаки чай не пьют!

Вот тебе и вежливые собаки. А как вечером ласкались!

Полярный круг

Двадцать восьмого августа прошли мы остров Аграфены. Это Полярный круг. Говорят, когда-то в старину на этом острове жила колдунья Аграфена. Кто мимо острова шёл на пароходе или на лодке, задабривал Аграфену подарками, чтобы пропустила, не то ветер поднимется, затопит.

Мы, когда мимо острова Аграфены шли, бросили в Лену пробку от термоса. Термос у нас разбился, а пробка осталась. Аграфена, наверно, обиделась, потому что к вечеру подул северный ветер, поднялся шторм и дикие гуси полетели на юг. Налим пошёл: и на удочке налим, и в сетях налим, — значит, скоро зима, вода похолодала!

Но мы не растерялись, нашли тихую бухточку под горой, поставили палатку и стали костёр жечь, уху варить из налимов; да ещё попался нам таймень на перекатах, килограммов на двадцать. Мы его распластали, подсолили, растянули на палочках и повесили на золотую осеннюю лиственницу вялиться.

Таймень на лиственнице крутится, как вертушка на ветру, а мы внизу сидим у костра, греемся да вокруг посматриваем.

На том берегу белки видны, блестят снега белые на горах — к шторму!

Если шторм через три дня не утихнет, утихнет через пять дней. А если через пять дней ветер не кончится, то через семь дней наверняка утихнет. Эта якутская примета верная. Главное для полярных путешественников — терпение.

Мы тайменя разметили на семь кусков и каждый день по куску балыка отрезали и ели.

Я подойду к лиственнице, отрежу кусок ножом и говорю Владимиру Дмитриевичу: «Первый день!»

Потом второй день, и третий, а на седьмой день утром, когда один хвост вертелся, я ничего не сказал, потому что

ветер не утих. Но уже вылетела из тайги оса, села на ольховый куст, за листочком, в заветрие и на солнышке стала долго умываться. Усы несколько раз пропустила между передними лапками. Разгладила брюшко и полетела вдоль берега на другой куст, а к полудню ветер утих, мы подняли парус и пошли в Жиганск.

Два мальчика

Пока мы сидели семь дней под Жиганском, вот какие приключения были: однажды ночью тревожно заревел где-то на середине Лены гудок, а вокруг темень, холод, слышно, как волны об камни ухают. Мы переглянулись с Владимиром Дмитриевичем.

Баржа на мель села? А может, тонут?

Если бы пожар, пламя было бы видно.

От костра неохота уходить, да и как мы без мотора, под парусом подойдём к барже?

А надо, надо идти и помогать, раз беда. Закон такой на воде и в тайге.

Пока в темноте лодку свою столкнули на воду, промокли и ооченели, руки не слушаются. И тут гудки кончились, и потом огоньки топовые проплыли далеко в темноте, бортовой огонёк и на верхушке мачты. Значит, всё в порядке, просто на мель в шторм занесло, сами и снялись.

На другой день далеко под высоким берегом у самого прибоя разглядел я две точки, побольше и поменьше. Посмотрел в бинокль: идёт мальчик-якут и с ним хромая чёрная собака.

Подошли к нам, за плечами у мальчика мешок с хлебом на верёвочных лямках. Он из Жиганска на рыбачий стан отцу несёт хлеб. С первого сентября в шестой класс пойдёт.

Собаку зовут Мальчик. Передняя лапа у неё перебита, ходит на трёх лапах. Стали пить чай, мальчик рассказал про собаку, что она хорошо ходила за соболем и на медведя, да попала передней лапой в лосиный капкан и стала калекой. Собаке семь лет.

— Она старая не очень, — сказал мальчик.

Но, видно, тяжело ей на охоте. Мальчик её бережёт. Но собака умная, зверовая, зря хлеб не хочет есть. За зверем бежит на трёх лапах, да всё равно догнать не может, устаёт, задыхается.

До Жиганска по карте тридцать километров, мальчик с собакой прошли их за шесть часов. Мальчик говорит, что прошёл двенадцать километров. В Сибири «вёрсты не меряны», всегда так. Спросишь у охотников: «До посёлка далеко?» — «Однако, рядом, десять километров!»

Уже знаешь: не меньше двадцати километров.

Стали о погоде говорить. Мальчик посмотрел на Лену, пощупал у собаки нос:

— Нос сухой, скоро хорошая погода!

Прощаясь с нами, я ему помог мешок на плечи взвалить, и пошли вдоль берега мальчик с собакой Мальчиком. Оба настоящие таёжники.

Жиганск

В Жиганске мы сняли паруса и мачту сняли и вместе с лодкой погрузили на деревянные сани, зацепили их за трактор и отволокли нашего «Гусара» под окно к домику знакомого шкипера Демьяна Ивановича. Лодку перевернули вверх дном. А все вещи, и паруса, и мачту, и вёсла, сложили на чердаке.

Утром пошли мы осматривать посёлок Жиганск, небритые, в штормкостюмах. Здесь этому никто не удивляется и не глазуют, потому что живут в Жиганске рыбаки, геологи, охотники и лесорубы. Тайга подходит к самым домам. За последней избушкой ёлки растут, и ребята голубику с черникой собирают.

В посёлке тротуары деревянные, опилки свежие, ещё смолой пахнущие, лежат около новых изб.

Девочка играет и поёт:

Пила, пила, лети, как стрела,
А ты, топор, сиди, как вор!

Потом песцовое хозяйство смотрели: на ровном месте два ряда клеток, песцы в них сидят. Смотришь на них, они глаза свои жёлтые отворачивают — хитрые! В стороне вышка стоит. Мы спросили: зачем такая высокая?

— Это сторожевая вышка! На ней сторож сидит и в оба смотрит, чтоб песцы не убежали.

Песцы сетку рвут и убегают в тайгу. Песец в клетке привыкнет и дуреет от воли; пока очухается, его сторожа поймают.

Ветер северный тучи нагнал, и закружились снежинки. Метель метёт, и где-то высоко гуси перекликаются, отставшие, летят на юг. Ниже по Лене шуга пошла — ледяные блины. Хорошо, что успели до Жиганска дойти.

Ну, вот и конец нашему путешествию. Мы-то думали, успеем до дельты дойти, да погода не дала.

На будущий год приедем в Жиганск из Якутска на пароходе, спустим «Гусара» на воду и опять пойдём на Север. Нам осталось километров восемьсот до полярной станции «Столб» в дельте Лены, и дальше пойдём к Восточно-Сибирскому морю.

Когда я приехал во Владивосток, мне хотелось всюду побывать и всё увидеть. И бухту Майхэ, где растёт женьшень, и папоротники, большие, как деревья, а в чаще бродят тигры. За тиграми голубые сороки перелетают с ветки на ветку и стрекочут.

И остров Путятина увидеть, где на озере цветёт лотос и живут пятнистые олени. Пятнышки на оленьей шкуре — как солнечные зайчики. Ляжет олень под деревом — и нет оленя, исчез. Только солнце сквозь листву пускает зайчиков на траве...

Совсем решил на Путятин ехать, пошёл в порт, а катер на остров идёт через три дня. Слышу, кассирша кому-то говорит:

— На Южные Курилы пароход через час уходит!

Когда я карту рассматривал, то мечтал и на Курильских островах побывать, на самых дальних...

— Давайте, — говорю, — поскорее билет.

И поплыл.

Четыре дня плыл пароход. Сначала штормило, а потом, как Лаперузов пролив прошли, ветер утих. Ещё два дня, и утром Курилы!

Голубая чайка

Рано утром пароход подошёл к острову. Рассвело, а берега не видно. На море лёг туман, густой, как простокваша. На палубе кто-то пробежал. Наверно, вахтенный матрос...

Якорная цепь загремела. На корме закричали, я разобрать не могу: водопады гремят, голоса заглушают.

Солнце взошло, туман расходиться стал волнами; шлюпку спустили на воду, поплыли на берег.

Впереди туман, да волны накатывают, и птицы кричат морские — глупыши. Вынырнет из тумана глупыш и с криком за кормой в тумане исчезнет.

— Да вон, вон, наверху!

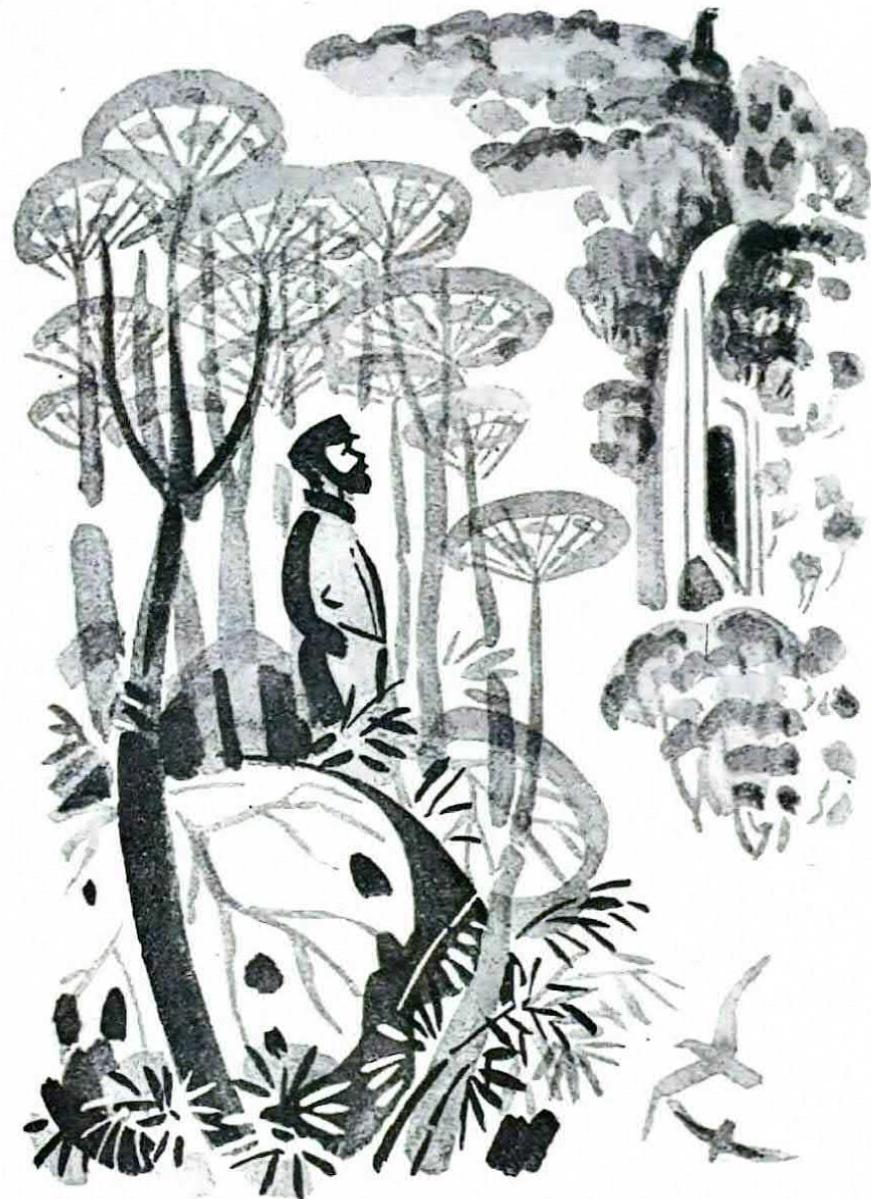
Задрал голову, посмотрел наверх, а там гора в небе висит над туманом.

Солнце выше поднялось, и ещё две вершины показались. В горах всюду белые струйки висят — водопады.

Когда я на вершину горы залез, увидел там в потухшем вулкане озеро. В озере горячие ключи бьют, и вода совсем голубая. Чайка пролетела над озером голубым пятнышком, сквозь перья на крыльях голубизна просвечивает.

Лопуховая чаща

Подальше от берега бамбук растёт. Густой — не продерёшься, да и страшно. В бамбуковой чаще растёт лиана-ипритка, такая ядовитая, даже не дотронешься до неё.

Ветер только подует, пылью обдаст — обожжёт, как кипятком.

В курильском лесу всякие лианы растут. Такие, что деревья обвивают, в кору впиваются и сок из дерева пьют. Цветы у лиан большие, яркие; хочется сорвать, да боязно — вдруг ядовитые?

Я в лопуховом лесу гулял. Листья лопушиные над головой как зелёные крыши: один лист можно постелить, а другим сверху накрыться. Темно, сыро, и никакой травы не растёт.

Посмотрел я на свою руку — она зелёная, листья свет не пропускают.

Какая-то птичка с земли вспорхнула, в лопушиный стебель вцепилась коготками. Как будто знакомая птичка. Да это соловей курильский! На груди у него красная салфеточка.

Соловей улетел, а я стал из чащи выбираться. Впереди поляна показалась, а на поляне пальмы растут.

Но на самом деле не настоящие пальмы, а трава дудочник. У нас ребята из неё дудочки вырезают. А из этого дудочника можно сделать трубу в две руки толщиной. Каждая травинка — дерево. А наверху зонт, как у пальмы. Называется «медвежья дудка». На такой дудке только медведю дудеть.

Слышу — водопад шумит.

Выбрался к речке и по речке вышел на океанский берег, в рыбацкий посёлок.

Когда я в лопуховой чаще заблудился, мне показалось, меня заколдовали и я стал крошечным человечком, как в сказке.

Землетрясение

В посёлке я у знакомого рыбака пил чай. Он мне рассказывал, как осьминожек в отлив на щупальцах поднялся, хотел его напугать...

Вдруг тарелки в шкафу как забренчат, как задребезжат! Лампочка над столом закачалась, и весь мой чай разлился по скатерти!

Я вскочил, хотел на улицу выбежать. У дверей уже был, слышу: тарелки больше не звякают, лампочка чуть покачалась и успокоилась.

Рыбак засмеялся:

— Это маленькое землетрясение. Сначала мы тоже пугались, выбегали на улицу.

Потом я ходил в горы, осматривал огромные камни. Когда здесь было настоящее землетрясение, то эти камни вылетали из кратера вулкана, из самого пекла. Они обожжённые и в дырках, как будто их долго варили.

Искупался я в горячей речке.

Холодный ветер листья с деревьев рвёт, а вода в речке горячая, как в бане.

Один раз гулял я на берегу, сел на камень, а камень — тёплый! Перевернул камень, а из земли повалил горячий пар. Как будто крышку открыли у чайника.

Зимой на Курилах печки не топят. По деревянным трубам горячая вода прямо из земли в дом идёт. И лучше всякой печки греет. Горячая вода нужна — бельё постирать или помыться: краник в сенях открой и наливай сколько хочешь!

Когда пароход к островам подходит, вулканы издали белым дымком попыхивают, курятся. Вот и называли острова — Курильские.

Сайра

Утром меня чайки разбудили. И глупыши кричат, и вороны каркают, и ничего не разберёшь.

Кто-то под окном пробежал:

— Сайра, сайра, сайра подошла!..

Я скорее оделся, вышел на улицу. Над бухтой чайки со всего океана собрались, крыльями полощут, на воду падают — в клювах блестящие ножики мелькают: выхватывают сайру из воды.

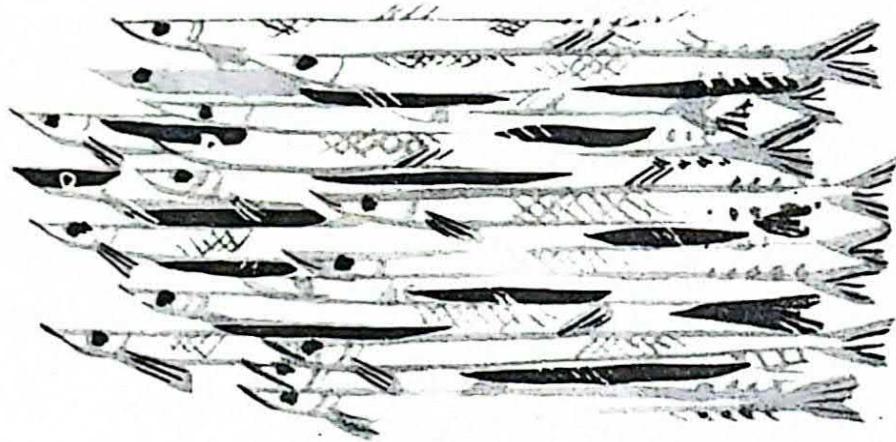
На зелёных волнах белыми хлопьями чайки покачиваются, взлётеть не могут, отяжелели: объелись сайрой.

По берегу ходят вороны, сайру клюют. Волны её выбрасывают, серебряной полоской мёртвая сайра блестит на солнце, ближе к воде живая трепыхается на песке.

А по воде словно рябь от ветра набегает широкими полосами — это стаи сайры идут с океана.

Ночью вся бухта зажглась огоньками — рыбацьи сейнеры выходят в океан.

С берега видно, как сайру ловят. Сначала белый огонь над водой горит. Вдруг потухнет, синий вспыхнет.

Сначала опускают белую лампу, похожую на люстру. Сайры на свет, как бабочки, собираются несметной стаей. Потом сразу потушат белую лампу-люстру, а синюю зажгут. Сайра так и замрёт.

Пока она на месте стоит, остолбенелая от синей лампы, тут её обмётывают огромным кошельковым неводом и выгребают.

На рассвете я ходил по берегу, собирал кальмаров.

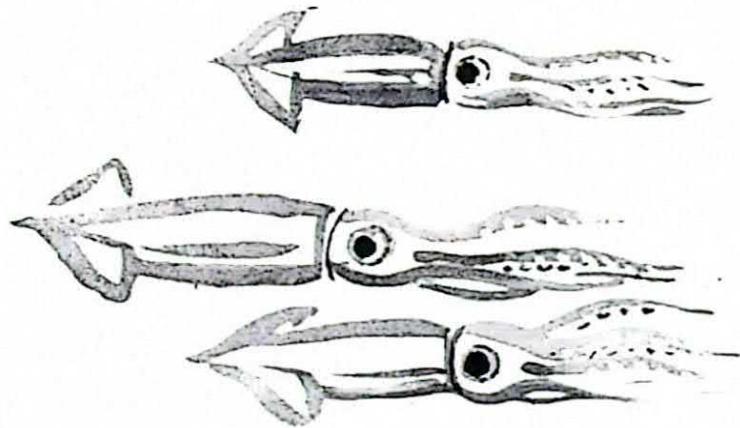
Кальмары за сайрой погнались, сайра за огнями на причалах, а их волны на берег выбросили.

Кальмары хищные, быстрые. Сайра в воде как молния мелькает, а кальмар ещё быстрее, глазом не заметишь. Щупальца сложит, крылышки растопырит, воду из себя выталкивает и мчится за сайрой.

На берегу кальмар умирает, но всё равно щупальцами с крючками сайру в себя запихивает, обволакивает и прямо не ест, а растворяет в желудке. Поперёк схватит, сожмёт и запихивает. С хвоста схватит, сожрёт!

Одного кальмара я поднял с песка, он надулся и запыхтел быстро-быстро: пых-пых-пых!

А сам весь переливается: то фиолетовый, то оранжевый,

то даже не знаю какой. Похоже на то, как бывает, когда бензин в луже разольют, вот так же переливается.

Кальмаров я на подсолнечном масле жарил — очень вкусные, как белые грибы!

Вороны

Сайра шла несколько дней. Лисьи следы на берегу видны, медвежьи. Даже трясогузка на песке побегала, поклевала сайру и опять улетела на речку.

А однажды утром я проснулся — тишина. Вышел на улицу — тишина. Сайра вся прошла, как ножом отрезало. Нет больше ни одной сайры. Ни чаек, ни глупышей не слышно. Все улетели вслед за сайрой в океан. Будут за ней лететь, хватать, объедаться, отдыхать на волнах, пока не отстанут, — сайра рыба быстрая, океанская.

Вороны на берегу поклевали всю сайру и приуныли. Сидят около моря на камнях, сгорбились и по сторонам поглядывают — где бы пожить?

Один мальчик вышел на берег погулять, а ворона увидела у него бутерброд с вареньем, подлетела и вырвала из рук. Мальчик заревел и прибежал домой.

— Я, — говорит, — я... я только один раз откусил!

Отец ворону поругал, новый бутерброд намазал и велел не зевать, смотреть по сторонам. Мальчик пока весь бутерброд не съел, из дому не вышел. А пока ел, всё на дверь поглядывал — вот как его вороны запугали!

Топорки

Берег высокий, внизу — океан. На стене крутой в каждой щели, на каждом уступчике, в ямке кайра сидит; вон карниз весь белый, а с океана ещё кайра летит, да уже сесть негде!

Остальные кайры закричали, загалдели, потеснились... и ничего, села.

Топорок летит. Чёрный, на солнце золотом отливает, голова белая, а клюв оранжевый, широкий, как топор. Крылышки у топорка короткие, под водой такими хорошо грести. Топорок в воздухе трепыхается, вот-вот упадёт!

Никак не может на лету повернуть — несёт его прямо в скалу. И вдруг воздух лапками начал загребать, загребать... и повернул. Юркнул в свою норку птенцов рыбой кормить. Топорок длинные норки роет на высоких берегах. Там и птенцов выводит, рыбой выкармливает и даже пол в норках выстилает рыбьими костями и перьями. Перья он у чаек крадёт.

Топорок в океане за рыбой ныряет, ныряет и столько нахватает рыбёшек, что не может взлететь. Отталкивается от воды — вот-вот-вот-вот! Машет, машет крылышками и так и не взлетит. Отдохнёт, посидит на волне, опять замахает крылышками-култышками. Нет, никак!

Наконец взлетел. Только не может повернуть в воздухе и прямо сверху кайрам на головы сел, растолкал их и отдыхает, а рыбу не выбрасывает, держит в зобу. обязательно притащит птенцам.

Ещё я видел, как вынырнула гагара. На клюве у неё висит ракушка — морской гребешок.

Гагара нырнула и на дне увидела — лежит гребешок, створки раскрыл. Она хотела его клювом из ракушки вытащить, а гребешок — щёлк! — и захлопнулся.

Гагара вынырнула, схватила воздух, гребешок её снова вниз потянул, она под водой исчезла.

Опять вынырнула,дохнула — и снова под воду.

Ещё раза два показалась с гребешком на конце клюва и больше не выныривала. Я стоял ждал. Нет гагары. Утонула.

Домик осьминога

В отлив подводные скалы торчат из воды. Морская капуста длинными лентами лежит на камнях. Ребята с ножами ходят, собирают её в вёдра.

Я тоже собираю, только не капусту, а морских звёзд и ежей. Нашёл большую звезду красную, а в середине синий круг. И ещё поймал большого морского ежа фиолетового. Отнёс его подальше от берега. Он иголками пошевеливает и ползёт к воде. Медленно, но всё равно прямо к воде ползёт, а глаз-то у него нет.

Я ежа отпустил, стал искать раковины в лужах, среди камней. И вдруг в одной большой луже кто-то как метнётся, песок взбаламутил... Осьминог!

Стал я смотреть на него. Он недоволен — покраснел, а спрятаться ему некуда.

Я поближе подошёл — осьминог щупальцами задвигал. На щупальцах много-много белых пуговок перламутровых — присосок. Как на баяне.

Хотел я его палочкой потрогать, а он ещё больше покраснел, потом побледнел, стал какой-то серый и сбоку трубку выпустил голубую.

И как дунет водой из трубки! Мелкие камешки на дне в разные стороны так и разлетелись. Стал осьминог под большой камень подлезать, щупальцами его обхватил и подвинул к другому камню.

Потом ещё подлез-подвинул и забился между двумя камнями.

Тут я вижу, он меня и сам боится, и решил: дай я поглажу его! Стал на колени, руку опустил в воду и потихоньку к нему тянусь.

Дотянулся и погладил осьминога пальцем между глаз. Один раз, два, три...

И тут... осьминог закрыл глаза. Я гляжу, а он глаза зажмурил совсем, втянул их.

Я погладил его, погладил и отошёл. А осьминог глаза открыл и стал за мной подсматривать. У него зрачки поперёк и длинные, как у козы. Над каждым глазом бугорок и рожки мягкие.

Если дно ровное, осьминоги настоящие домики строят. Один камень поднимут, второй, а сверху взгромят третий — крышу. Сидит осьминог в домике и посматривает, а вокруг пустые раковины лежат, он из них выедает моллюсков.

Говорят, чтобы раковина не захлопнулась, осьминог в неё камень бросает. Раковина — щёлк, а камень не даёт ей закрыться. Осьминог бросается и выедает моллюска.

Осьминог — зверь умный, любит, чтобы его погладили, приласкали.

В бухте вода совсем прозрачная, каждый камешек на дне виден.

На сером камне покачиваются под водой белые ландыши на тонких стебельках.

Это икра осьминога. Он её приклеивает на камень, а потом из неё крошечные осьминожки выклюнутся и расползутся по дну.

Страшная рожа

На дне заросли морской капусты колышутся, как вершины деревьев в лесу. Рыба клюёт, только успевай вытаскивать.

Насадишь кусочек рыбьего мяса на крючок, не успеешь закинуть — дёргает! Без удочки, просто бечёвка намотана на палец.

Терпуг попался, бьётся на дне лодки, плавники красные растопыривает.

Ага! Ещё дёрнула. Подтащил я бечёвку, и вдруг... из воды высунулась страшная рожа, глаза на меня тарашит!

Я испугался, бечёвку отпустил, рожа на дно шарахнулась.

Стал я её потихоньку выуживать. Вытащил и не поверил — да это бычок океанский! Одна голова. Из неё во все стороны кости торчат, обтянутые кожей. Губищи толстые, глазами вращает. И прямо из головы растёт хвостик и два плавника по бокам. Ну и чудище! Напугало меня.

Потом я и не таких выуживал. Не бычки, а целые быки.

И все разные. Синие — с жёлтыми плавниками, зелёные — с красными, и один другого страшней. Настоящие драконы!

Федя

Рыбаки говорят:

— У каждого маяка своя соль!

Один маяк через каждые десять секунд мигает в ночном океане, другой — через одну минуту, третий — через пять,

и все по-разному. Например, в лоции написано, что в проливе Дианы маяк вспыхивает через каждые десять секунд.

Штурман увидит ночью огонь, посчитает вспышки и точно узнает, что корабль идёт в проливе Дианы.

На маяке, как на корабле, несут вахту, чтобы лампа всегда горела, показывала в океане дорогу.

Рядом с башней в домиках живут электрики. Корова гуляет, собаки бегают, и в ящике живёт тюлень Федя. Он сопит и тычется мордой в доски: ему жарко, хочется в океане поплавать.

Его из ведра морской водой поливают, а в океан не пускают гулять.

Сейчас осень, горбуша идёт в реки метать икру.

Около устьев рек в океане акулы собрались, караулят горбушу.

Федя уже взрослый, но его не пускают:

— Большая акула может Федю сожрать запросто!

Рассказал мне сторож на маяке, что Федину маму убили зверобой, а Федю с братцем на обратном пути с Камчатки отдали на маяк.

Тюленята были ещё маленькие и белые — бельки.

Федин брат из рук ничего не ел и всё плакал. Лежит в углу комнаты и молча плачет. Пришлось его обратно в океан выпустить.

А Федя очень полюбил сгущённое молоко. Зимой, как свет потушат, просился на постель спать с хозяином.

К весне он подрос, стал серебристым; его выпустили в океан, и он уплыл.

Думали, уж и не вернётся. К обеду проголодался и приплыл.

Так он и стал на маяке жить: с утра уплывает, и нет его; кто-нибудь выйдет на берег, помашет алюминиевой миской, и

Федя из самой дальней дали увидит, как на солнце миска блеснёт, и плывёт-гребёт к берегу обедать.

А сейчас Федю закрыли в ящике, и правильно сделали: большая акула его сразу сожрёт.

Косатки

Во Владивосток я возвращался на катере. Погода была тихая, и ночью море горело синим огнём. Я зачерпнул в стакан морской воды и принёс в каюту. В темноте вода светится. Книжку поднёс к стакану — буквы видно, можно читать.

Из-под катера вылетают большие горящие лепёшки — медузы.

Вдруг три синие торпеды по морю мчатся катеру наперез.

Всё ближе, ближе, сейчас ударят в борт!

Нырнули под катер, вынырнули с другой стороны и умчались в море.

Это морские волки — косатки. Они по морям рыскают, как волки в степи. Кита догонят, вырвут у него язык и дальше помчатся; плавник над водой торчит, как нож волны режет.

Тюленя увидят — проглотят. Зубы у них большие, острые. У одной косатки в животе шесть тюленей нашли пополам перекушенных.

Кит от косаток удирает и от страха в обморок падает,верху брюхом лежит на волнах.

Утром, когда к Сахалину подходили, на горизонте увидел я фонтан.

Посмотрел в бинокль — кашалот! Спину изогнул, хвост

показал над волнами, исчез. Другой нырнул, третий. Целое стадо!

Кашалоты плывут в южные моря. Плывут они с Чукотского моря и от берегов Камчатки. Там уже осень. В море плавают зелёные льдины, и вулканы по ночам освещают облака розовым пламенем.

СОДЕРЖАНИЕ

Голубая Тува. Рис. И. Бруни	3
Про оленей. Рис. М. Митурича	22
На холодной реке. Рис. И. Бруни	37
Домик осьминога. Рис. М. Митурича	77

GardarikaRus+Майская роза

Цена 25 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»